

А.С. Лебедев

Учение о Боге как Спасителе
человека, как его Освятителе, как
Судии и Мздовоздателя - в устах
Иисуса Христа и Его апостолов

Опубликовано:

Христианское чтение. 1875. № 7. С. 44-91.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

**Ученіе о Богѣ: какъ Спасителѣ челоувѣка, какъ его
Освятителѣ, какъ Судіи и Мздовоздаятелѣ — въ
устахъ Іисуса Христа и Его апостоловъ.**

(Противъ Баура и отрицательной критики).

I.

Ученіе о Богѣ, какъ Искупителѣ челоувѣка, вводитъ, такъ сказать, въ самое сердце православно-христіанскаго догматическаго ученія и касается самой сущности божественной проповѣди Іисуса Христа и апостоловъ. Здѣсь средоточіе домо-строительства нашего спасенія, и здѣсь же исключительно мирное пристанище блаженнаго успокоенія истинно-вѣрующаго христіанина. А потому сопоставленіе Христова и апостольскаго ученія относительно дѣла нашего искупленія необходимо требуетъ самаго глубокаго и безпристрастнаго вниманія. Требованіе это тѣмъ болѣе необходимо, что именно около этого основнаго пункта христіанскаго упованія сосредоточиваются всѣ нападенія отрицательной критики Баура и его школы.

Съ христіанской точки зрѣнія ученіе о Богѣ—Спасителѣ челоувѣка неотдѣлимо отъ ученія о лицѣ самого Искупителя, какъ Богочелоувѣка и обѣтованнаго Мессіи, и даже необходимо должно предваряться этимъ ученіемъ, такъ какъ только при этомъ и самое ученіе о Богѣ Искупителѣ сохраняетъ всю свою силу и значеніе. Всѣ пререканія со стороны отрицательной критики въ этомъ случаѣ своимъ исходнымъ пунк-

томъ и единственнымъ основаніемъ имѣють то, что Иисусъ Христосъ не называлъ Себя прямо Спасителемъ міра, Богомъ, царемъ и подобными названіями, но говорилъ о Себѣ всегда только подъ именемъ сына человѣческаго. Но при своемъ вниманіи къ названію «сынъ человѣческій», отрицательные критики, во имя своихъ предзанятыхъ принциповъ, не выказываютъ, въ то же время, ни малѣйшаго, сколько нибудь безпристрастнаго, отношенія ни къ смыслу этого названія въ устахъ Иисуса Христа, ни къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ оно произносилось, ни, наконецъ, къ тѣмъ названіямъ, свойствамъ и дѣйствіямъ, какія самъ Иисусъ Христосъ приписывалъ себѣ, какъ сыну человѣческому. Называя Себя сыномъ человѣческимъ, Иисусъ Христосъ тѣмъ самымъ показывалъ въ Себѣ истинно-божественнаго Учителя и Мессію, такъ какъ употребленіемъ именно этого названія Онъ могъ возвысить народное представленіе до истиннаго понятія о Себѣ, какъ Мессіи—Богочеловѣкѣ. Названіе сынъ человѣческій, всего ближе указывая на пророчество Даніила о Мессіи какъ сынѣ человѣческомъ, всего скорѣе могло предохранить іудеевъ отъ признанія Иисуса Христа земнымъ владыкою, какъ они представляли себѣ мессію, и всего легче могло выяснить предъ ними служеніе мессіи роду человѣческому, представляя Иисуса Христа истиннымъ Богомъ и истиннымъ человѣкомъ. Правда, и самъ Иисусъ Христосъ съ выраженіемъ сынъ человѣческій соединялъ иногда представленіе только простаго человѣка, такъ напримѣръ когда Онъ говорилъ, что *сынъ человѣческій не имать, идѣ главы поклонити*, что іудеи ищутъ убить Его, человѣка, что хула на сына человѣческаго отпустится, а на Духа Святаго не отпустится, что Ему подобаешь много пострадати и убіену быти, какъ преданному въ руки людей грѣшныхъ и т. п. (Мѣ. VIII, 20; XII, 31—32; XVI, 21; XVII, 22; Мрк. VIII, 31; Лук. XII, 10; Іоан. VIII, 40 и др.). Но подобныя выраженія могутъ свидѣтельствовать и дѣйствительно свидѣлствуютъ только о томъ, что Иисусъ Христосъ всегда ясно признавалъ и своимъ слушателямъ старался внушить мысль о двойствѣ

Его природы, природы истинно-человѣческой и истинно-божественной. Несомнѣнная достовѣрность этого объясненія очевидна изъ того, что въ совершенно подобныхъ вышеприведеннымъ выраженіяхъ Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, напримѣръ, тотчасъ послѣ преображенія на Оаворѣ, т. е. послѣ такого событія, въ которомъ очевиднымъ образомъ проявилось Его Божество (Мѡ. XVII, 12. 22—23; Мѡ. XX, 28). Кромѣ того, анализируя подробно выраженія Спасителя о Себѣ, какъ сынѣ человѣческомъ, нельзя оставаться въ сомнѣніи относительно того, что Іисусъ Христосъ, сознавая Себя истиннымъ человѣкомъ, въ тоже время сознавалъ Себя и истиннымъ Богомъ; потому что Онъ, какъ сынъ человѣскій, представлялъ Себя совершенно равнымъ Сыну Божію, хотя при этомъ нельзя не замѣтить и нѣкотораго различія между двумя названіями. Такъ напримѣръ Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященниковъ показалъ и совершенное равенство сына человѣческаго съ Сыномъ Божіимъ, когда въ отвѣтъ на вопросъ, сынъ ли Онъ Божій, сказалъ: *отнынь узрите сына человеческого, сядущаго одесную силы* (Мѡ. XXVI, 62—64), и нѣкоторое различіе того и другаго, при полной нераздѣльности личности, когда раздѣльно отвѣчалъ на раздѣльно предложенный вопросъ о томъ, Христосъ ли Онъ и Сынъ ли Онъ Божій (Лук. XXII, 66—70): Подобную же мысль выражаетъ Іисусъ Христосъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вмѣстѣ съ названіемъ Себя сыномъ человѣческимъ, Онъ говоритъ о Богѣ какъ о своемъ собственномъ Отцѣ (Мѡ. XVI, 27; Лук. IX, 26).. Но божественное достоинство Іисуса Христа, какъ сына человѣческаго, и слѣдовательно, сознаніе самимъ Іисусомъ Христомъ Его богочеловѣческой природы, со всею ясностію и несомнѣностію выражается въ изображеніи Его власти и силы. Іисусъ Христосъ, какъ сынъ человѣскій, имѣетъ божескую власть отпущать грѣхи, и Господь есть субботѣ, и не только не считаетъ этого богохульствомъ, какъ сочли книжники и фарисеи, но даже подтверждаетъ свою власть и право на божеское достоинство чудесами (Мѡ. IX, 6; XII, 1—13;

Мрк. II, 5—11; II, 28; Лук. VI, 5). Онъ есть Сынъ Давида, по въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Давидъ парницаетъ Его Господомъ, сѣдящимъ одесную Бога Отца (Мѡ. XII, 53—46), т. е. будучи сыномъ человѣческимъ, Онъ есть истинный Сынъ Божій, въ какомъ смыслѣ исповѣдалъ Его апостолъ Петръ и получилъ за такое исповѣданіе со стороны Іисуса Христа одобрение, — одобрение именно за истинное пониманіе сына человѣческаго, какъ Сына Божія (Мѡ. XVI, 13—19). Онъ, какъ сынъ человѣческій, живетъ на землѣ среди людей, но въ тоже время, какъ Сынъ Божій, спелъ съ небесъ и всегда пребываетъ на небесахъ (Іоан. III, 12—13) и потому, какъ сынъ человѣческій, опять имѣетъ взойти на небо, гдѣ всегда пребываетъ, какъ Сынъ Божій (Іоан. VI, 62). Онъ имѣетъ животъ въ себѣ и власть творити судъ, и имѣетъ именно потому, что есть сынъ человѣческій (Іоан. V, 27). Сами даже враги Іисуса Христа, книжники и фарисеи, понимали ученіе о сынѣ человѣческомъ какъ именно о мессіи, но только недоумѣвали относительно того, что Іисусъ Христосъ, какъ сынъ человѣческій, родился и долженъ умереть, тогда какъ мессія пребываетъ во вѣки (Іоан. XII, 34; VII, 27, 31, 41—43). Такимъ образомъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Іисусъ Христосъ, говоря о Себѣ какъ сынѣ человѣческомъ, т. е. какъ истинномъ человѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сознавалъ и хотѣлъ раскрыть предъ своими слушателями истинное понятіе о своемъ собственномъ достоинствѣ, какъ лицѣ истинно Божественномъ. Что же касается въ частности до ученія о томъ, дѣйствительное ли и полное человѣчество принялъ Іисусъ Христосъ и въ какомъ отношеніи Его человѣчество находилось къ Боже-ству и Божество къ человѣчеству; то даже и относительно этихъ пунктовъ христіанскаго догматическаго ученія въ устахъ Іисуса Христа находятся довольно ясныя указанія. Въ отношеніи ученія объ истинномъ человѣчествѣ Спасителя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; такъ какъ все евангельское повѣствованіе о земной жизни Іисуса Христа, о Его

дѣйствѣ, о проявленіи обыкновенныхъ человѣческихъ способностей ума и движеній сердца, о пробужденіи чувствованій и желаній и, наконецъ, о самыхъ крестныхъ страданіяхъ служатъ неопровержимымъ тому доказательствомъ, такъ что нѣтъ особенной важности перечислять всѣ мѣста сюда относящіяся. Кромѣ того, изъ свода всѣхъ подобнаго рода мѣстъ можно усматривать тѣ догматическія истины, что человѣчество Иисуса Христа было совершенно полное, состоящее изъ тѣла и разумной души, и притомъ, зачатое во чревѣ Пресвятой Дѣвы Маріи безъ участія мужа, по нантію Духа Святаго, человѣчество совершенно безгрѣшное, не только въ отношеніи къ грѣху первородному, но и къ произвольнымъ (Лук. I, 28—30. 35; Іоан. VIII, 46; XIV, 30). Въ отношеніи же ученія о способѣ соединенія естествъ въ лицѣ Искупителя и ихъ взаимномъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ изображеніе состоянія Иисуса Христа въ саду Геосиманскомъ. *Душа моя скорбитъ смертельно, говоритъ Господь ученикамъ своимъ; побудьте здѣсь и бодрствуйте со мною. И отошедъ немного, продолжаетъ евангелистъ, палъ на лице свое, молился и говорилъ: Отче мой! если возможно, да минуешь меня чаша сія: впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты* (Мѣ. XXVI, 38—39). Здѣсь всего яснѣе выражается, при истинномъ и полномъ человѣчествѣ Иисуса Христа, нераздѣльность и несліянность соединенія челоуѣчества съ Божествомъ, равно какъ и сохраненіе воли божественной личности Иисуса Христа. Здѣсь Иисусъ Христосъ, какъ челоуѣкъ, томится и страдаетъ душою при видѣ приближающейся крестной смерти; но какъ Богъ, Онъ въ тоже время сознаетъ все единство свое съ Отцемъ, всю непреложность божественной воли и значеніе самаго дѣла искупленія.

Переходя теперь отъ ученія самого Иисуса Христа о Его собственномъ лицѣ къ писаніямъ апостольскимъ, нельзя, правда, не замѣтить, что раскрытіе ученія Иисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія и истиннаго Богочеловѣка, въ устахъ апостоловъ гораздо полнѣе, прямѣе, и такъ сказать, отвлеченнѣе. Апостолы прямо говорятъ, что Христосъ, происшедшій

по плоти отъ сѣмени Авраамова, есть всегда сущій Богъ, Богъ благословенный во вѣки и явившійся во плоти (Римл. IX, 5; 1 Тим. III, 16), такъ что въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлеснѣ (Колос. II, 9) и Онъ не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, но уничтожилъ Себя, припавъ образъ раба и сдѣлавшись какъ человѣкъ (Филип. II, 6—7). Но при всемъ различіи въ формальномъ отношеніи между учепіемъ въ устахъ апостольскихъ и въ устахъ самого Іисуса Христа, нельзя въ то же время не видѣть и полнѣйшаго тождества въ содержаніи. Если апостолы и называютъ Іисуса Христа прямо Богомъ, чего мы не находимъ въ устахъ самого Іисуса Христа; то называютъ на основаніи же вышеизложеннаго ученія самого Іисуса Христа, и называютъ такъ прямо единственно потому, что въ вѣкъ апостольскій, какъ мы выше замѣчали, можно было открыто называть Іисуса Христа Богомъ, когда уже дѣло искупленія было совершено, когда Спаситель, послѣ своихъ крестныхъ страданій и смерти, воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небеса, когда, слѣдовательно, съ одной стороны для всѣхъ вѣрующихъ было очевидно Его божественное достоинство, а съ другой—миновала опасность ложнаго пониманія Его, какъ Мессіи — покорителя народовъ и земнаго царя, а не какъ Богочеловѣка. Равнымъ образомъ, и въ отношеніи ученія объ Іисусѣ Христѣ, какъ истинномъ человѣкѣ, о Его тѣлѣ и душѣ между Христовымъ и апостольскимъ раскрытіемъ нѣтъ иного различія, кромѣ различія формальнаго, заключающагося опять только въ болѣе прямой и опредѣленности. Подобно самому Іисусу Христу, апостолы называя Его Богомъ, называютъ въ то же время человѣкомъ (1 Тим. II, 5; Римл. V, 15), сопоставляютъ Его съ первымъ человѣкомъ (Римл. V, 14, 19) и даже прямо называютъ вторымъ Адамомъ (1 Корин. XV, 45), который не только не стыдился называть освящаемыхъ имъ своими братьями (Евр. II, 11—12), но, дабы своею смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, пріискренне пріобщился плоти и крови (Евр. II, 14), дѣйствительно родившись во времени отъ жены (Галат.

IV, 4), и содѣлался такимъ образомъ истиннымъ потомкомъ праотцевъ народа еврейскаго (Римл. IX, 5) ¹⁾. Въ частности, по изображенію апостольскому, также какъ и по изображенію самого Іисуса Христа, челоѣчество Спасителя состояло изъ души (1 Петр. III, 18—19) и тѣла, о которомъ апостолы говорятъ подъ именемъ плоти, разумѣя подъ нею весь составъ челоѣческаго существа, какъ напримѣръ, когда говорятъ, что Іисусъ Христосъ есть Богъ во плоти (1 Тим. III, 16), происходящей отъ сѣмени Давидова (Римл. I, 3; IX, 5) и что кто не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедшимъ, тотъ не отъ Бога (1 Іоан. IV, 3). Равнымъ образомъ и относительно преимуществъ челоѣчества Іисуса Христа, сравнительно съ нашимъ, въ устахъ апостоловъ говорится, что Іисусъ Христосъ, родившись отъ жены, родился не путемъ естественнаго зачатія, но есть посланный отъ Бога (Галат. IV, 4) и потому пришолъ только въ подобіи плоти грѣха, какъ не причастный ни грѣху прародительскому, ни произвольному (1 Іоан. III, 5; 1 Петр. II, 22), какъ только жертва за грѣхъ (2 Корин. V, 21), какъ искушенный во всемъ, кромѣ грѣха (Евр. IV, 15), какъ непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ, святой, праведный (Евр. VII, 26; 1 Іоан. II, 1) и во всемъ послушный святой волѣ Отца небеснаго, даже до самой крестной смерти своей (Филип. II, 8). Гораздо подробнѣе, сравнительно съ раскрытіемъ въ устахъ Іисуса Христа, раскрыто въ

¹⁾ Изложенному апостольскому ученію объ истинномъ челоѣчествѣ Іисуса Христа нимаю не противорѣчать и слѣдовательно, не нарушаютъ тождества съ ученіемъ самого Іисуса Христа тѣ мѣста апостольскихъ писаній, гдѣ говорится, что Іисусъ Христосъ, какъ истинный Богъ, привялъ на Себя только образъ раба, содѣлавшись только подобнымъ челоѣку и во виду ставъ какъ челоѣкъ, и что Онъ не перстень, какъ Адамъ, но есть Господь съ небеси (Филип. II, 6—7; 1 Корин. XV, 47—48). Всѣ эти мѣста не даютъ ни малѣйшаго права думать, будто челоѣчество Іисуса Христа было призрачное, такъ какъ въ нихъ говорится объ Іисусѣ Христѣ съ точки зрѣнія Его божественнаго достоинства, которое всегда всецѣло пребывало въ Іисусѣ Христѣ, какъ челоѣкъ, и при которомъ Сынъ Божій дѣйствительно умалилъ Себя, содѣлавшись челоѣкомъ (Филип. II, 8).

устахъ апостольскихъ ученіе о соединеніи естествъ божескаго и человѣческаго въ лицѣ Иисуса Христа. Апостолы прямо называютъ Иисуса Христа, какъ единого по личности при двойствѣ естествъ, единымъ Господомъ (1 Корин. VIII. 6; Ефес. IV, 5—6) и въ одно и тоже время говорятъ о Немъ, какъ объ одномъ и томъ же, и отъ вѣчности бывшемъ у Отца, и во времени явившемся и жившемъ на землѣ, и бывшемъ прежде Іоанна Крестителя, и по немъ идущемъ (Іоан. I, 1—17), какъ истинномъ Богѣ и истинномъ человѣкѣ, происшедшемъ отъ сѣмени Давидова по плоти и стяжавшемъ церковь кровію своею (Филип. II, 6—8; Римл. IX, 5; I, 3; Галат. IV, 4; Дѣян. XX, 28). Но говоря о единствѣ лица Иисуса Христа, апостолы въ тоже время нисколько не хотятъ сказать тѣмъ, что два естества въ Иисусѣ Христѣ слились въ одно, или что человѣческое естество было поглощено божественнымъ. Напротивъ они ясно утверждаютъ, что Сынъ Божій, будучи всегда Богомъ, воспринялъ на Себя званіе раба и только искренне пріобщился плоти и крови (Филип. II, 6—7; Евр. II, 14), сохранивъ, слѣдовательно, при единствѣ ипостаси, во всей цѣлости и неприкосновенности какъ божеское естество (Колос. II, 9; Филип. II, 6; 1 Тим. III, 16), такъ и человѣческое, бывшее совершенно подобнымъ нашему и испытывавшее все свойственное человѣческому естеству, за исключеніемъ грѣха (Евр. II, 14; V, 7; IV, 15; II, 17). А потому Иисусъ Христосъ, хотя родился отъ жены, какъ истинный человѣкъ, по въ тоже время родился какъ и Сынъ Божій (Галат. IV, 4), такъ что человѣческое естество Его возвышено выше небесъ (Евр. VII, 26) и посажено на небесныхъ, вмѣстѣ съ Божествомъ, одесную Отца небснаго (Ефес. I, 21; II, 6). По силѣ этого-то единства божественной ипостаси въ писаніяхъ апостольскихъ говорится далѣе объ Иисусѣ Христѣ, съ одной стороны, что Онъ, какъ Богъ, стяжалъ церковь кровію своею, пострадалъ и тѣмъ примирилъ насъ съ Богомъ (Дѣян. XX, 28; Римл. V, 10; Евр. V, 8; II, 18; IV, 15), а съ другой—что Онъ, какъ человѣкъ, есть Господь съ небесе и

увѣщанъ славою и честію, содѣлавшись начальникомъ спасенія (1 Корин. XV, 47; Евр. II, 9—10). Такимъ образомъ, въ устахъ апостольскихъ находится не только болѣе подробное изложеніе ученія о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ, при сохраненіи единства ипостаси, но даже довольно обстоятельно намѣчаются самыя слѣдствія такого соединенія, т. е., такъ называемыя по терминологіи догматической системы—обоженіе человѣческаго естества и общеніе божескихъ и человѣческихъ свойствъ въ лицѣ Іисуса Христа, указанія на что нѣтъ въ рѣчахъ Спасителя. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы въ данномъ случаѣ была прибавка со стороны апостоловъ къ содержанію ученія самого Іисуса Христа. Проповѣдуемое апостолами ученіе о слѣдствіяхъ соединенія естествъ, какъ показываетъ уже самое названіе, само по себѣ есть необходимое слѣдствіе, вытекающее изъ ученія о единствѣ божеской ипостаси, при двойствѣ естествъ, указаніе на которое мы видѣли и въ рѣчахъ самого Іисуса Христа. Последнее никакъ не мыслимо безъ перваго, и когда мыслится или говорится о первомъ, тогда необходимо должно мыслиться и последнее, хотя бы оно и не выражалось въ особой формулѣ. Что же касается, наконецъ, ученія о двухъ воляхъ въ Іисусѣ Христѣ, то въ этомъ отношеніи апостольскія указанія гораздо менѣе ясны, чѣмъ вышеприведенное нами изъ евангелія отъ Матвея о страданіяхъ Іисуса Христа въ саду Геосиманскомъ. Въ устахъ апостоловъ, при указаніи на эти страданія, говорится только, что Іисусъ Христосъ во дни плоти своей, съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія могущему спасти Его отъ смерти (Евр. V, 7) и что Онъ, какъ Богъ, страданіями павъ къ послушанію и, какъ человѣкъ, во всѣ дни жизни своей былъ послушенъ Богу, даже до крестной смерти (Филип. II, 6—8, ср. Евр. V, 8).

Раскрывши ученіе Іисуса Христа и апостоловъ о лицѣ Икупителя, какъ Богочеловѣка, мы отвѣтили только на одну половину возраженій со стороны отрицательной критики относительно лица Іисуса Христа, не касаясь другой, не ме-

нѣе важной стороны въ ученіи о лицѣ Искупителя, не касался т. е. того, сознавалъ ли Себя Иисусъ Христосъ Мессіею и Искупителемъ міра съ самаго начала своего служенія и, слѣдовательно, помимо всякихъ народныхъ представленій о Немъ, какъ о Мессіи. Правда, самъ Иисусъ Христосъ, подобно тому какъ и въ отношенія своей богочеловѣческой природы, никогда не пазывалъ Себя прямо Искупителемъ міра; но тѣмъ не менѣе онъ такъ говорилъ о Себѣ и своемъ служеніи, что сознаніе имъ своего мессіанскаго значенія остается выше всякаго сомнѣнія. Иисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ пришолъ въ міръ во исполненіе обѣтованій о Мессіи, бывшихъ чрезъ пророковъ (Лук. XXIV, 26—27), пришолъ послужить и дать душу свою для искупленія многихъ (Мѡ. XX, 28), уврачевать больныхъ (Мѡ. IX, 12), възсать и спасти погибшихъ (Лук. XIX, 10), призвать грѣшниковъ на покаяніе (Лук. V, 32) и успокоить всѣхъ труждающихся и обремененныхъ (Мѡ. XI, 28), такъ чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ животъ вѣчный (Іоан. III, 15. 16—17). Онъ есть хлѣбъ, спедшій съ небесъ, который есть Его собственная плоть, полагаемая за животъ всего міра, и всякій, ядущій этотъ хлѣбъ, будетъ жить во вѣкъ (Іоан. VI, 51). Онъ свѣтъ міру, избавляющій ходящихъ въ этомъ свѣтѣ отъ вѣчной тьмы (Іоан. VIII, 12) и при освобожденіи отъ грѣховъ дѣлающій ихъ во истину свободными (Іоан. VIII, 36). Онъ пастырь добрый, душу свою полагающій за овецъ и чрезъ то обрѣтающій для нихъ истинную пажить (Іоан. X гл.). Онъ, наконецъ, воскрешеніе и жизнь, подобно пшеничному зерну, ввергаемому въ землю и имѣющему многъ плодъ сотворить, такъ что Онъ всѣхъ привлечетъ къ себѣ послѣ своей крестной смерти и всякій, кто увѣруетъ въ Него, если и умретъ, оживетъ и войдетъ въ уготованное отъ небснаго Отца царство (Іоан. XI, 25; XII, 24. 32; XIV, 2—3) ¹⁾. Та-

¹⁾ Въ виду такихъ ясныхъ указаній самого Иисуса Христа на Его мессіанское значеніе, какъ Искупителя міра, противники наши, въ оправданіе своей мысли

кимъ образомъ, если въ писаніяхъ апостольскихъ личность Іисуса Христа, равно какъ и важнѣйшія событія Его земной жизни—дѣйствительно полагаются средоточіемъ и основаніемъ всего христіанскаго ученія, какъ на томъ особенно сильно

говорять, что болѣе или менѣе рѣшительныя изъ этихъ указаній находятся только въ евангеліи Іоанна (подлинность котораго они стараются заподозрить) и что у первыхъ трехъ евангелистовъ замѣчается колебаніе Іисуса Христа въ Его мессіанскомъ достоинствѣ. Такъ, напримѣръ, они указываютъ на колебаніе Ирода, относительно личности Іисуса Христа (Лук. IX, 7—9), на запрещеніе Іисуса Христа разглашать о Немъ, какъ о Мессіи и Христѣ, до времени воскресенія Его изъ мертвыхъ (Мрк. VIII, 30; Мф. XVI, 20; XVII, 9), и, наконецъ, на то, что Іисусъ Христосъ иногда говоритъ о Себѣ, какъ о Мессіи и Сынѣ Божіемъ, въ третьемъ лицѣ. Но приводя эти возраженія сами же отрицательные критики въ недоумѣніи поражаются прямою указавіи Іисуса Христа на Его мессіанское достоинство еще въ нагорной проповѣди, гдѣ прямо говорится, что блаженны тѣ, которыхъ будутъ поносить, гнать и всячески злословить за имя Христово (Мф. V, 11), и что не всякій войдетъ въ царствіе небесное, говорящій: «Господи, Господи!» даже не всякій изъ пророчествовавшихъ, изгонявшихъ бесовъ и творившихъ чудеса именемъ Іисуса Христа (Мф. VII, 21—23). А потому, во избѣжаніе всякихъ недоумѣній и пререканій, отрицательные критики не задумываются отвергнуть и самую нагорную проповѣдь Іисуса Христа, какъ неподлинную. Что же касается до остальныхъ возраженій, приводимыхъ со стороны отрицательной критики, то они не имѣютъ никакой силы. Первое изъ этихъ возраженій касается колебанія, очевидно, не самого Іисуса Христа, а Ирода; а второе—есть не колебаніе со стороны Іисуса Христа, но только мудрая предосторожность, въ предупрежденіе какихъ либо демонстрацій въ пользу Его со стороны народа. При иныхъ случаяхъ самъ Іисусъ Христосъ неоднократно одобрялъ вѣру въ Него, какъ Мессію (Мф. VIII, 10; IX, 22), а при входѣ въ Іерусалимъ даже на основаніи ветхозавѣтныхъ пророчествъ оправдывать крики дѣтей въ обращеніи къ Нему, какъ Царю (Мф. XXI, 16), и въ отвѣтъ Іоанну на вопросъ, не Мессія ли Онъ, прямо указывалъ на свои дѣла, какъ на несомнѣнное свидѣтельство о Его мессіанскомъ служеніи (Мф. XI, 2—6). Равнымъ образомъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ Іисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ, какъ Мессію, въ третьемъ лицѣ, дается ясно понять, что здѣсь Онъ говоритъ именно о Себѣ (Іоан. IV, 25—26; IX, 35—37). Не говоримъ уже о томъ, что въ самомъ возраженіи противниковъ, относительно колебанія Іисуса Христа, въ сопоставленіи съ ихъ собственнымъ ученіемъ о лицѣ Іисуса Христа, заключается громадное противорѣчіе, объяснимое только тою крайностію положенія, въ какую отрицательная критика сама себя поставила. Задача совершить громадный переворотъ въ мірѣ и въ то же время колебаніе реформатора относительно своего собственнаго лица суть, по нашему крайнему разумію, двѣ вещи совершенно несомѣстныя въ одномъ лицѣ.

настаиваютъ наши противники, то полагаются именно потому, что самъ Иисусъ Христосъ смотрѣлъ на Себя, какъ на Искупителя міра, какъ на Богочеловѣка, какъ, слѣдовательно, на такое лице, которое составляетъ собою краеугольный камень нашего спасенія, составляетъ именно свою земную жизнь, своимъ ученіемъ, крестною смертію и воскресеніемъ, безъ каковыхъ событій и само христіанство не существовало бы и даже было бы немислимо, какъ именно христіанство, какъ царство сыновъ Божіихъ, облагодатствованныхъ крестными заслугами и воскресеніемъ Спасителя. Впрочемъ, значеніе земной жизни и крестныхъ заслугъ Искупителя для всего ученія христіанскаго, равно какъ и оправданіе ученія апостольскаго, относительно этого пункта догматическаго ученія, всего яснѣе можетъ выразиться при изложеніи Христова и апостольскаго ученія о самомъ дѣлѣ искупленія.

Самъ Иисусъ Христосъ ясно указываетъ на мессіанское значеніе всей своей жизни, когда говоритъ, что Его пища—творить волю Пославшаго и совершить дѣло Его, такъ что самою своею жизнью и всѣми своими дѣлами, совершенными во время этой жизни, Онъ прославилъ Отца своего небеснаго на землѣ и совершилъ дѣло, которое Ему поручено было исполнить (Іоан. IV, 34; XVII, 4). Правда, въ устахъ апостольскихъ эта мысль получаетъ столь обширное и точное раскрытіе, что ясно различается и подробно раскрывается троякое служеніе Иисуса Христа роду человѣческому, т. е. служеніе пророческое, первосвященническое и царское. Тѣмъ не менѣе и въ устахъ самого Иисуса Христа находятся указанія на всѣ эти три вида мессіанскаго служенія. Конечно, указанія эти, особенно въ отношеніи первосвященническаго и царскаго служенія, какъ и слѣдовало ожидать, довольно нераздѣльныя сравнительно съ категорическимъ и раздѣльнымъ языкомъ апостольскихъ писаній; но въ данномъ случаѣ важна самая идея и основные моменты въ раскрытіи ученія о мессіанскомъ служеніи Иисуса Христа. Самая смерть, воскресеніе и вознесеніе Иисуса Христа на небо, какъ мы и выше имѣли случай замѣ-

тить, самымъ дѣломъ, такъ сказать, могли дополнить и объяснить великое служеніе Іисуса Христа роду человѣческому; между тѣмъ какъ прежде совершенія этихъ событій, ни эти событія не могли быть понятны для апостоловъ, ни самое дѣло искупленія не было еще завершено.

Пророческое служеніе Мессіи въ устахъ Іисуса Христа раскрыто сравнительно довольно подробно. Іисусъ Христосъ, по Его собственнымъ словамъ, есть единый учитель, какого только могутъ искать себѣ вѣрующіе (Мѡ. XXIII, 8), и который одинъ, какъ единственный органъ откровенія, открылъ имя Отца Своего людямъ, (Іоан. XVII, 6—8). Ученіе Его не есть Его собственное ученіе, но ученіе божественное, ученіе Пославшаго (Іоан. VII, 16—17), которое освобождаетъ принимающихъ его отъ грѣха и смерти и даруетъ имъ жизнь вѣчную. (Іоан. VIII, 32; XII, 47—50). А потому и принимать это ученіе обязанъ всякій слушающій его, если только онъ искренно любитъ самого Божественнаго Учителя, принимающаго какъ брата или сестру всякаго приходящаго къ Нему (Іоан. XII, 47—49; XIV, 15. 23; XV, 7; Лук. VIII, 21). Проповѣдуя такимъ образомъ свое ученіе, какъ новое, божественное откровеніе, и притомъ, какъ откровеніе безусловно-необходимое для всѣхъ, Іисусъ Христосъ тѣмъ самымъ отмѣнялъ весь ветхозавѣтный законъ, съ его формальной стороны, со всѣми его обрядами, жертвами, богослужебнымъ устройствомъ и ео-кратическимъ правленіемъ (Мѡ. V, 28—48; XII, 8; XXI, 42—43; XXIV, 1 и слѣд.; Мрк. XIII, 1 и слѣд.; Лук. XXI, 5—6; Іоан. 4, 21), и удерживалъ только сущность всего ветхозавѣтнаго Богооткровенія (Мѡ. V, 17—18; XV, 3—4; Лук. X, 25—28), ту сущность, которая сосредоточивалась около лица обѣтованнаго Мессіи, какъ краеугольнаго камня. На этомъ-то пренебреженномъ зиждущими камнѣ (Мѡ. XXI, 42—43; Мрк. XII, 10) Іисусъ Христосъ и основывалъ новый заветъ, доступный для всѣхъ, приходящихъ отъ востока и запада (Мѡ. XXVI, 28; Лук. XIII, 29). Но какъ истинный пророкъ, Іисусъ Христосъ основывалъ новый заветъ не только своимъ ученіемъ, но и

самою своею безгрѣшною и богоугодною жизнію (Іоан. VIII, 29, 46), подавая тѣмъ самымъ высочайшій образецъ для своихъ послѣдователей (Іоан. XIII, 14. 17) и завѣщая имъ взять на себя Его иго, иго кротости и смиренія сердца (Мѡ. XI, 29). Кромѣ того, истинность своего пророческаго служенія Іисусъ Христосъ подтверждалъ чудесами, какъ истинными дѣлами (ἐργα) Божіими, видя которыя слушатели не могли не вѣровать и въ самага чудотворца, какъ истиннаго посланника Божія (Іоан. IX, 3; XIV, 11)¹⁾. Въ сравненіи съ таковымъ раскрытіемъ самимъ Іисусомъ Христомъ ученія о пророческомъ Его служеніи міру, раскрытіе въ устахъ апостольскихъ представляетъ собою совершенно тоже самое ученіе, ничѣмъ въ существѣ не отличающееся отъ Христова ученія. Апостолы говорятъ, что Іисусъ Христосъ, какъ основатель новаго завѣта или пророкъ, есть свѣтъ истинный, просвѣщающій каждаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. I, 9); что Онъ далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго (1 Іоан. V, 20), далъ благодатный законъ, въ замѣнъ закона Моисеева (*посл. къ Римл.*), и это благодатное откровеніе пребудетъ вѣчно неизмѣннымъ (2 Корин. III, 11), такъ что никто не можетъ положить иного основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ (1 Корин. III, 11). А потому апостолъ, кто будетъ благовѣствовать не то, что благовѣствовалъ Іисусъ Христосъ и апостолы (Галат. I, 8).

Въ отношеніи ученія о первосвященническомъ служеніи Испытателя нельзя не видѣть, что хотя Іисусъ Христосъ и не могъ подробно раскрывать это ученіе прежде своей крестной смерти, тѣмъ не менѣе во время своей земной жизни, въ ви-

¹⁾ Упреки Іисуса Христа іудеямъ за жадность чудесъ, по силѣ которыхъ только они хотѣли вѣровать въ Него (Іоан. IV, 48), въ данномъ случаѣ, нимало не могутъ свидѣтельствовать о томъ, что Іисусъ Христосъ не считалъ своихъ чудесъ чудесами, какъ заключаютъ противники евангельскихъ чудесъ. Равнымъ образомъ, и запрещеніе разглашать о совершившихся чудесахъ и исцѣленіяхъ происходило, какъ можно полагать, изъ видовъ предосторожности (Іоан. IX гл.; Мрк. VII, 36).

дахъ подготовленія учениковъ къ этому великому событію, Онъ весьма часто указывалъ на свою смерть, то въ образныхъ выраженіяхъ, то въ прямыхъ и опредѣленныхъ (Іоан. II, 19, 21; XII, 7; Лук. XVII, 22—23; Мѡ. XII, 39—40; XVI, 4. 27; XVII, 22—23; XX, 18—19). Во всѣхъ указаніяхъ на свою смерть Іисусъ Христосъ ясно давалъ разумѣть все значеніе ея въ дѣлѣ искупленія. Спаситель говорилъ, что когда Онъ будетъ вознесенъ на крестъ, тогда ученики Его узнаютъ, что Онъ говорилъ и дѣлалъ только то, чему научилъ Его Отецъ небесный (Іоан. VIII, 28); что Онъ душу свою полагаетъ за овецъ (Іоан. X, 14—15) и святитъ себя (ἀγιάζειν) за вѣрующихъ въ Него (Іоан. XVII, 19), чтобы, подобно умирающему въ землѣ сѣмени, сотворить плодъ много (Іоан. XII, 24); что Онъ дастъ избавленіе (λύτρον—выкупъ) за многихъ (Мѡ. XX, 28) въ своемъ честномъ тѣлѣ и пречистой крови, изъ которыхъ первое, подъ видомъ хлѣба, будетъ преломляться, а послѣдняя, подъ видомъ вина, будетъ изливаться за многихъ, во оставленіе грѣховъ; такъ чтобы всякій, вкушающій, подъ видомъ хлѣба и вина, истинное тѣло и кровь Спасителя и вѣрующій въ Его крестныя заслуги, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную, какъ воистину освященный (ἡγιασμένος) крестною смертію Христа Спасителя (Мѡ. XXVI, 28; Мрк. XIV, 22—24; Лук. XXIV, 47; Іоан. VI, 51; III, 14—15; XVII, 19). Такимъ образомъ, въ устахъ Іисуса Христа первосвященническое Его служеніе раскрыто хотя и недовольно раздѣльно, но тѣмъ не менѣе ясно выражено все искупительное значеніе смерти Христовой, какъ спасающей, примиряющей и оправдывающей человѣка предъ Богомъ. А потому съ несомнѣнностію можно сказать, что и апостольское ученіе о первосвященническомъ служеніи Іисуса Христа, при всей его раздѣльности, опредѣленности и даже отвлеченности языка, есть тоже самое ученіе Іисуса Христа, облеченное только въ иную форму. Апостолы, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно говорятъ языкомъ самымъ точнымъ, исходя изъ той основной идеи, что Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ согрѣшеній ихъ

(2 Корин. V, 18—19) и предложивъ Иисуса Христа въ жертву умиловленія *спроу въ крови Его, въ явленіе правды своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ* (Римл. III, 25). Эту основную мысль объ оправданіи и примиреніи съ Богомъ всего міра жертвою одного Иисуса Христа апостолы проводятъ такимъ образомъ, что какъ непослушаніемъ одного человѣка содѣлались многіе грѣшными, такъ должно было, чтобы послушаніемъ одного праведны были многіе (Римл. V, 19), чтобы приносившій Себя въ жертву за родъ человѣческій Архіерей былъ послушенъ Богу въ теченіи всей своей земной жизни, даже до крестной смерти, чтобы быть святымъ, непричастнымъ злу, непорочнымъ, отдѣленнымъ отъ грѣшниковъ (Евр. VII, 26). Потому-то, какъ преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного, такъ тѣмъ болѣе и пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности должны царствовать въ жизни посредствомъ одного Иисуса Христа, (Римл. V, 17), такъ какъ Его праведность становится въ очахъ Божіихъ нашею праведностію (2 Корин. V, 21), по силѣ пріискренняго пріобщенія Иисуса Христа нашей плоти и крови (Евр. II, 14—17), съ сохраненіемъ въ тоже время Его божественнаго достоинства и всемогущества (Колос. II, 9; 1 Корин. XV, 45). Но всего яснѣе не только наше оправданіе, но и очищеніе и освященіе раскрыты апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Евреямъ, въ ученіи о смерти Иисуса Христа, по сопоставленію первосвященства Христова съ первосвященствомъ ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ и при изображеніи несравненныхъ преимуществъ первосвященства перваго предъ первосвященствомъ послѣднихъ. Иисусъ Христосъ, по ученію апостола Павла, не самъ Себѣ присвоилъ власть первосвященства, но, подобно Аарону, призванъ отъ Бога быть первосвященникомъ по чину Мелхиседекову, но первосвященникомъ во вѣкъ и первосвященство имѣть не преходящее (Евр. V, 4. 5—6. 10; VII, 24). А потому Онъ одинъ разъ навсегда принесъ свою первосвященническую жертву, не имѣя нужды (какъ безусловно святой самъ по Себѣ, а не по одному только

своему первосвященническому служенію, какъ другіе первосвященники) каждый день приносить жертвы сперва за свои грѣхи, а потомъ и за грѣхи народа (Евр. VII, 27). Притомъ, хотя Онъ и принесъ свою первосвященническую жертву, подобно всѣмъ другимъ первосвященникамъ, за народъ (Евр. VII, 21; V, 1. 7; VIII, 3), но какъ первосвященникъ будущихъ благъ, пришедшій съ бѣльшею и совершеннѣйшею ветхозавѣтной, перукотворенною скиніею, не съ кровію козловъ и тельцовъ, но съ своею пречистою кровію, однажды вошелъ въ святилище и приобрѣлъ вѣчное искупленіе, будучи самъ жертвою за грѣхъ. Потому-то Онъ и содѣлался ходатаемъ новаго завѣта, подобно ходатайству Моисея, окроплявшаго кровію тельцовъ и козловъ древнюю скинію и народъ, при основаніи завѣта ветхаго (Евр. IX, 11—22). Такимъ образомъ, Іисусъ Христосъ, какъ первосвященникъ, содѣлался самъ клятвою за грѣхъ, чтобы пригвоздивъ ко кресту въ лицѣ своемъ древнее рукописаніе, раздрать его и тѣмъ самымъ избавить насъ отъ грѣха и клятвы законныя, дабы мы были правда Божія о Немъ (Галат. III, 13; Колос. II, 14; 2 Корин. V, 21). А потому и смерть Іисуса Христа, какъ смерть Того, Котораго Богъ предложилъ въ жертву умиловленія въ крови Его, въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ (Римл. III, 25), есть съ одной стороны, выкупъ (λύτρωσις, ἀπολύτρωσις, ἀντ'λυτρον) за насъ правдѣ Божіей, какъ вмѣненіе Іисусу Христу нашей вины, а съ другой—примиреніе наше съ Богомъ и очищеніе, или умиловленіе о нашихъ грѣхахъ, такъ что мы неистлѣннымъ серебромъ или златомъ, но пречистою кровію Іисуса Христа, туне, по благодати Божіей, избавлены отъ всякаго беззаконія, очистились отъ всякаго грѣха, содѣлались людьми святыми, праведными, чистыми и избранными, и чрезъ то приобрѣли дерзновеніе въ день судный и получили обрученіе наслѣдія (1 Тим. II, 6; Тит. II, 14; 1 Петр. I, 18—19; Римл. III, 24; Евр. IX, 11; 1 Корин. I, 30; Римл. IV, 24; Ефес. I, 7, 14; Колос. I, 14; 1 Іоан. I, 7; II, 2).

Что же касается, наконецъ, до царскаго служенія Іисуса

Христа, то раскрытіе этого ученія въ устахъ самого Іисуса Христа, какъ мы выше замѣтили, не могло имѣть мѣста, такъ какъ моменты проявленія царской власти Спасителя составляютъ: сошествіе во адъ, какъ побѣда надъ смертію и начальникомъ ея діаволомъ, воскресеніе изъ мертвыхъ, какъ залогъ со-
 скресенія нашихъ тѣлъ для вѣчной жизни всемогущею силою царской власти Іисуса Христа, и вознесеніе на небо, какъ совозвышеніе въ лицѣ Іисуса Христа человѣческаго естества на небесную высоту и какъ довершеніе дѣла спасенія во все время продолженія благодатнаго царства Христова. Все это суть такіе моменты, исполненіе которыхъ, а слѣдовательно и надлежащее выясненіе имѣли произойти впереди. А потому совершенно достаточно для толдества Христова и апостольскаго ученія, если Іисусъ Христосъ, въ данномъ случаѣ, выражалъ хотя нѣкоторыя прикровенныя указанія на всѣ представленныя моменты Его царскаго служенія роду человѣческому. О сошествіи во адъ находятъ указаніе въ словахъ Іисуса Христа, что Ему подобаетъ быть въ сердцѣ земли подобно тому, какъ Іона пророкъ былъ во чревѣ кита три дня и три ночи. О воскресеніи же своемъ Іисусъ Христосъ довольно часто говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, когда говоритъ о смерти, и притомъ сравненіе Себя Іисусомъ Христомъ, въ этомъ случаѣ, съ ишеничнымъ зерномъ по справедливости можетъ служить эпиграфомъ къ раскрытію апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Коринѣянамъ ученія о воскресеніи Іисуса Христа и значеніи его по отношенію къ воскресенію нашихъ тѣлъ. Равнымъ образомъ, неоднократно указываетъ Іисусъ Христосъ и на вознесеніе свое на небо, говоря, что Онъ идетъ туда, гдѣ былъ прежде, какъ спедшій съ небесъ; что Онъ идетъ уготовать мѣсто для апостоловъ, — умолитъ Отца своего небеснаго о ниспосланіи иного Утѣшителя (Іоан. XIV, 16) и всегда будетъ исполнять прошенія вѣрующихъ и просящихъ во имя Его (Іоан. XIV, 14). Апостолы совершенно вѣрно и точно поняли прикровенно высказанную мысль Спасителя о Его царской власти, на основаніи общей цѣли всего дѣла спасенія

раскрывая значеніе сошествія Ісуса Христа во адъ, воскресенія изъ мертвыхъ и вознесенія на небо. О сошествіи Ісуса Христа во адъ апостолы говорятъ, какъ именно о проявленіи царской власти Ісуса Христа, выражая самое проявленіе этой власти илѣненіемъ плѣна и освобожденіемъ изъ власти діавола душъ умершихъ праведниковъ (1 Петр. III, 18—19; IV, 6; Ефес. IV, 8—9). Равнымъ образомъ, и воскресеніе Ісуса Христа апостолъ Павелъ разсматриваетъ какъ необходимый моментъ въ дѣлѣ нашего спасенія, такъ какъ возсозданіе чело-вѣка для вѣчнаго царствія могло совершиться только чрезъ упищоженіе смерти воскресеніемъ Ісуса Христа изъ мерт-выхъ, такъ чтобы и наши тѣла, по подобію тѣла воскресшаго Господа, и Его царскою властію, воскресли нетлѣнными и безсмертными (1 Корин. XV гл. ср. Дѣян. II, 27). Въ отно-шеніи же послѣдняго момента проявленія царскаго служенія Спасителя, въ разъясненіе мысли о царскомъ могуществѣ и ходатайствѣ Его за вѣрующихъ предъ Отцемъ небеснымъ, апостолы говорятъ, что Іисусъ Христосъ, восшедши на не-беса, какъ чело-вѣкъ, возсѣлъ одесную Бога Отца, получилъ имя превыше всякаго имени, *покоршимся Ему ангеломъ, и властемъ, и силамъ* (Дѣян. II, 32—35, Филип. II, 9—11; 1 Петр. III, 22), ходатайствуетъ за насъ предъ лицемъ Божиимъ, чтобы спасти до конца приходящихъ чрезъ Него къ Богу и спосадить ихъ съ Собою на небесныхъ (Римл. VIII, 34; Евр. VII, 24—25; IX, 24; Ефес. II, 6), и будетъ ходатайствовать до тѣхъ поръ, пока не станетъ уже болѣе нужды въ Его хода-тайствѣ, когда Онъ, по наступленіи исполненія временъ, пре-дастъ царство Богу и Отцу и будетъ вмѣстѣ съ Нимъ цар-ствовать, упразднивъ всякое начальство, всякую власть и силу (1 Корин. XV, 24—25).

II.

Ученіе о Богѣ, какъ Освятителѣ чело-вѣка, составляя собою завершеніе дѣла искупленія, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, не менѣе, чѣмъ и самое ученіе о Богѣ, какъ Иску-

пителей міра, подвергается нарекаціямъ со стороны отрицательной критики, по отношенію къ раскрытію этого ученія въ устахъ Іисуса Христа и апостоловъ. По крайней мѣрѣ здѣсь, какъ и въ ученіи о Богѣ Искупителѣ міра, Бауръ и его школа думаютъ найти очевиднѣйшее и несомнѣнное подтвержденіе своей мысли объ основанномъ на ложномъ пониманіи личности Іисуса Христа развитіи и искажающемъ истинный духъ христіанскаго ученія громадномъ осложненіи въ устахъ апостольскихъ зерна ученія Христова. Мысль эта, по ихъ мнѣнію, до осязательности очевидна, какъ по отношенію къ ученію о благодати, такъ преимущественно по отношенію къ ученію объ іерархіи и таинствахъ, какъ двухъ составныхъ частяхъ православно-христіанскаго догматическаго ученія о Богѣ, какъ Святителѣ человѣка. Но съ истинно христіанской точки зрѣнія не трудно даже напередъ предугадать всю неосновательность подобнаго рода мысли, послѣ того какъ мы успѣли убѣдиться въ несомнѣнномъ тождествѣ по содержанію Христова и апостольскаго ученія о лицѣ Искупителя, какъ Богочеловѣка, и о самомъ спасеніи міра, какъ великой христіанской тайнѣ искупленія.

Въ отношеніи ученія о благодати, въ писаніяхъ апостольскихъ, преимущественно же въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ, дѣйствительно нельзя не видѣть прежде всего весьма подробно раскрытаго, общаго ученія объ оправдывающей и освящающей благодати Божіей самой въ себѣ, ни малѣйшаго указанія на что, по видимому, нѣтъ въ ученіи самого Іисуса Христа. Но таковая черта различія нимало не опровергаетъ тождества Христова и апостольскаго ученія. Раскрытое апостоломъ Павломъ ученіе о благодати самой въ себѣ есть ничто иное, какъ разъясненіе той глубокой идеи Спасителя, что Іисусъ Христосъ, принося новое откровеніе, утверждая новый завѣтъ человѣка съ Богомъ и, такимъ образомъ, отмѣняя данный чрезъ Моисея вѣтхозавѣтный законъ, въ то же время, не разорялъ этотъ законъ, но восполнялъ (Мѣ. V гл.). Выходя изъ этой основной идеи, апостолъ Павелъ раскры-

ваетъ все значеніе христіанства, сравнительно съ подзаконнымъ, до христіанскимъ періодомъ существованія рода человѣческаго, обстоятельно выясняя все безсиліе естественнаго и положительнаго закона для оправданія человѣка предъ Богомъ и всю силу и значеніе въ данномъ случаѣ благодати Божіей, изливающейся на родъ человѣческій чрезъ Іисуса Христа. Законъ естественный, которымъ руководились язычники, хотя и открывалъ передъ внутреннимъ взоромъ человѣка все величіе и святость Божества, тѣмъ не менѣе язычники жили въ похотяхъ сердець своихъ, въ нечистотѣхъ и непотребствахъ, будучи исполнены всякой неправды, такъ что въ концѣ концовъ, вмѣсто всякаго оправданія, неминуемо долженъ былъ открыться праведный судъ и гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою (Римл. I, 18—32). Равнымъ образомъ и положительный законъ Моисеевъ, не смотря на то, что онъ данъ былъ Богомъ и что по своему содержанію, формѣ и цѣли былъ святъ, праведенъ, благъ и необходимъ, будучи подавляемъ грѣхомъ, не достигалъ своей высокой цѣли. Онъ обпаруживалъ только грѣхъ предъ сознаніемъ человѣка, дѣлалъ его вмѣняемымъ, производилъ въ человѣкѣ внутреннее раздвоеніе между грѣховною плотію и сознающимъ всю тяжесть грѣха духомъ и такимъ образомъ имѣлъ значеніе только пестуна или руководителя, доводящаго человѣка до сознанія силы грѣха и необходимости высшей помощи для его освобожденія. Слѣдовательно ветхозавѣтный законъ не только не оправдывалъ человѣка, но убивалъ своими предписаніями и держалъ въ узахъ грѣха, смерти и подклятваеннаго состоянія (Римл. VII, 7—25; III, 20; V, 13; VIII, 2. 3; 2 Корин. III, 6; Галат. III, 10. 24—25). Въ противоположность этому закону, только вѣра во Христа даетъ и можетъ дать истинное оправданіе и жизнь во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ (Римл. I, 17; III, 21—22), подобно тому, какъ и при учрежденіи ветхаго завѣта между Богомъ и человѣкомъ главнымъ элементомъ и залогомъ оправданія была вѣра Авраама. Но эта вѣра не есть мертвая, не

оживляемая дѣлами любви (Римл. IV, 2—5; ср. Іак. II, 21—23), а вѣра во Христа, какъ самый начальный моментъ оправданія и спасенія человѣка, не по личнымъ его дѣламъ и заслугамъ, а совершенно даромъ, по милости и благодати Божіей, по силѣ вмѣненія крестныхъ заслугъ Искупителя (Римл. III, 23—24; IV, 4—6; 16; V, 15; VI, 14; Ефес. II, 8). Такимъ образомъ благодать Божія, оправдывающая человѣка, по ученію апостольскому, есть сила Духа Святаго, дѣйствующая и совершающаяся въ немощахъ человѣческихъ (2 Корин. XII, 9; Колос. I, 29; 2 Тим. I, 8; ср. Римл. VIII, 9; 1 Корин. III, 16; XII, 3), а вмѣстѣ съ тѣмъ—и сила Христова, какъ благодать Бога Отца, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ не по дѣламъ нашимъ, но по своему изволенію и благодати, данной намъ во Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ (2 Тим. I, 9; 2 Корин. XII, 9; Дѣян. XV, 11; 1 Корин. I, 4). Совершенное тождество по содержанію такого подробнаго и обстоятельнаго апостольскаго ученія о благодати съ упомянутою выше идеею о ней самого Іисуса Христа со всею несомнѣнностію подтверждается еще тѣмъ, что частные моменты оправданія человѣка благодатію Божіею, т. е. ученіе о благодати предваряющей, оправдывающей, возрождающей и спасающей, одинаково раскрываются какъ Іисусомъ Христомъ, такъ и апостолами.

Ученіе о благодати предваряющей въ устахъ Іисуса Христа раскрывается подъ формою ученія о призваніи (*καλέω*), безъ котораго никто не можетъ получить спасенія. Призываніе, проповѣдуемое Іисусомъ Христомъ, есть призваніе людей грѣшныхъ къ покаянію и вѣрѣ во Христа (Мѡ. IX, 13; Мрк. II, 17; Лук. V, 33. Притчи: о царской вечери, о виноградиакѣ, о блудномъ сынѣ и др. Мѡ. XX, 1—16; XXI, 28—32; XXII, 1—14; Лук. XV, 11—32), при полномъ сохраненіи свободной воли призываемыхъ, такъ что они свободно могутъ повиноваться или противиться этому призыванію (притча о званыхъ на вечерю—Лук. XIV, 16—24; XIII, 24). Призваніе простирается на весь родъ человѣческій, безъ всякаго разли-

чія народностей, такъ чтобы каждый человѣкъ могъ воспользо-
ваться имъ для своего спасенія (Мѡ. XXVIII, 19; Мрк. XVI,
15; Іоан. III, 15—16). Но притомъ призваніе сначала
обращается къ чадамъ Божиимъ, т. е. народу іудейскому, ко-
торый, такъ сказать, первый стоялъ на очереди призываемыхъ,
а затѣмъ уже должно быть обращено и къ овцамъ иного двора,
на востокъ и западъ, по всей вселенной и во свидѣтельство
всѣмъ народамъ (Мѡ. VIII, 11; X гл.; XXIV, 14; XXVI, 13;
XX, 16; Іоан. X, 16; отвѣтъ женѣ хананейской — Мѡ. XV,
21—28). Только тѣ, которые избраны Богомъ, какъ достой-
ные причастники небеснаго наслѣдія, могутъ вступать въ
благодатное царство призываемыхъ, отдѣлившись отъ всего
остальнаго невѣрующаго міра (Мрк. XIII, 20; Лук. XVIII, 7;
Мѡ. XXIV, 22. 31; XXII, 14). А потому только тотъ можетъ
послушать глаголовъ Божіихъ и увѣровать въ Іисуса Христа,
кто отъ Бога, т. е. самая вѣра возможна только при избраніи,
содѣйствіи и помощи Божіей, хотя тѣмъ самымъ нисколько не
отвергается и личное участіе самого человѣка (Іоан. VI, 46;
VIII, 47. ср. Мрк. XVI, 16; Іоан. V, 24). Въ совершенномъ
соотвѣтствіи такому ясному раскрытію самимъ Іисусомъ Хри-
стомъ ученія о призваніи, какъ благодати предваряющей,
въ писаніяхъ апостольскихъ говорится, что Богъ предопре-
дѣлилъ быть подобными образу Сына Своего и призвалъ въ
благодатное царство тѣхъ, которыхъ Онъ предузналъ, какъ
достойныхъ этого призванія и не имѣющихъ преткнуться о
камень преткновенія, подобно народу израильскому (Римл. IX,
6—21 ср. 22—36 ст. и VIII, 29). Тѣмъ не менѣе Богъ всѣмъ
человѣкомъ хочетъ спасти (1 Тим. II, 4), всякому прихо-
дющему отверзая сердце внимати слышиму евангельскому
благовѣствованію и надѣляя извѣстною мѣрою вѣры чрезъ
Святаго Духа, чтобы вѣровать въ Господа Іисуса (Дѣян. XVI,
14; Римл. XII, 3; 1 Корин. XII, 3; Филип. I, 29).

Въ отношеніи къ ученію о благодати оправдывающей въ
евангельской исторіи ясно показывается, что самъ Іисусъ Хри-
стосъ признавалъ необходимымъ условіемъ благодатнаго оправ-

данія вѣру въ Сына Божія, соединенную съ покаяніемъ. Такъ самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что милости хочетъ, а не жертвы, пришедши призвать грѣшныхъ на покаяніе, чтобы всякій слушающій словеса Его и вѣрующій въ Пославшаго имѣлъ жизнь вѣчную, и что блаженны алчущіе и жаждущіе правды, т. е. блаженны тѣ, которые, съ полнымъ сознаніемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ о своей грѣховности, алчутъ и жаждутъ оправданія свыше, по вѣрѣ во Христа, такъ какъ и самая вѣра есть не что иное, какъ желаніе очиститься отъ сокрушающаго душу грѣховнаго состоянія заслугами Искупителя (Мѣ. IX, 13; V, 6; Іоан. V, 24). Выраженную нами мысль Іисуса Христа какъ нельзя болѣе подтверждаютъ евангельскія повѣствованія о похвалѣ Іисуса Христа относительно покаянія и смиренія мытаря (Лук. XVIII, 13 — 14), объ обѣтованіи спасенія дому Закхееву за покаяніе и вѣру Закхея (Лук. XIX, 9), о принятіи отцомъ раскаявшагося блуднаго сына (Лук. XV, 11—32), о запрещеніи вновь грѣшить увѣровавшему въ Сына Божія и исцѣленному слѣпородженному (Іоан. IX, 35—38), объ отпущеніи грѣховъ женщинѣ за сямогую любовь (Лук. VII, 47—50) и, наконецъ, о принятіи въ райскіе чертоги покаявшагося и увѣровавшаго въ Іисуса Христа на крестѣ разбойника (Лук. XXIII, 39—43). Но одна только вѣра, соединенная съ покаяніемъ, не можетъ оправдать человѣка предъ Богомъ, если кающійся и вѣрующій не крестится во имя Господа Іисуса Христа. Самъ Іисусъ Христосъ ясно и опредѣленно говоритъ, что кто не родится водою и духомъ, тотъ не можетъ войти въ царство небесное (Іоан. III, 3), и что только тотъ спасется, кто имѣетъ вѣру и крестится (Мрк. XVI, 16). Слѣдовательно, по ученію Іисуса Христа, только вѣра, соединенная съ покаяніемъ и крещеніемъ, есть необходимое, истинно оправдывающее и дѣйствительно спасительное условіе оправданія благодатію Божіею, хотя во дни земной жизни Спасителя и были исключительныя примѣры оправданія по одной вѣрѣ и покаянію, помимо крещенія (Лук. VII, 50; XXIII, 37—43). Самое же проявленіе благодати оправдывающей

и ея спасительныхъ дѣйствій, какъ благодати возрождающей и спасающей, Иисусъ Христосъ изображаетъ, съ одной стороны, какъ прощеніе грѣховъ и примиреніе съ Богомъ, какъ необходимое слѣдствіе этого прощенія (Лук. V, 20; XVIII, 14. Притчи: о блудномъ сынѣ и о заимодавцѣ и должникѣ—Лук. XV, 11—32; Мѡ. XVIII, 23—35), а съ другой—какъ возрожденіе (Іоан. III, 3—8), по силѣ котораго вѣрующіе исполняются такою совершеннѣйшею радостію, при постоянномъ общеніи съ Богомъ и удаленіи отъ грѣховной жизни, которой у нихъ никто не можетъ отнять (Іоан. XVI, 20—23). Совершенно то же самое по содержанію ученіе находится и въ писаніяхъ апостольскихъ. Здѣсь говорится, что мы по милости Божіей, чрезъ вѣру въ Иисуса Христа, предваряемую покаяніемъ, и банею паки бытія содѣлались сынами Божіими, во Христа крестившись, во Христа и облекшись, омылись, освятились, оправдались и спогреблись Иисусу Христу въ крещеніи, чтобы возродиться для новой жизни, святой и праведной, какъ необходимо жить возрожденнымъ отъ нечистѣйшаго сѣмени, отъ слова истины и отъ самого Бога (Дѣян. II, 38; I Корин. VI, 11; Римл. V, 15—21; VI, 4; I Петр. I, 23; Іак. I, 18; Іоан. I, 12—13). Эта-то святая и праведная жизнь оправданныхъ благодатію Божіею вѣрующихъ въ Иисуса Христа, какъ возрожденныхъ и освященныхъ Богомъ, и составляетъ предметъ подробнаго раскрытія въ писаніяхъ апостольскихъ, какъ раскрытіе и разъясненіе краткаго указанія Иисуса Христа на рожденіе свыше отъ Святаго Духа. По ученію апостольскому, рожденіе, какъ начало новой, духовной жизни, есть начало, проникающее весь составъ природы человѣческой и дѣлающее человѣка святымъ, есть оправданіе жизни, истинный свѣтъ и жизнь въ Иисусѣ Христѣ, такъ что рожденные отъ Бога, какъ истинные сыны Божіи, уже не могутъ согрѣшить, но наблюдаютъ за собою, побѣждая міръ и грѣхъ, знаютъ и любятъ родившаго ихъ, а любя родившаго, любятъ и другихъ, рожденныхъ отъ него братій своихъ (I Іоан. III, 9; IV, 4. 7; V, 1. 4. 18. 20; Іоан. I, 4; XX, 31; Ефес. I, 5—6; Римл. V,

18). Сила, подкрѣпляющая и утверждающая христіанина въ этой возрожденной и обновленной жизни, есть сила Святаго Духа, какъ Духа истины и источника многоразличныхъ дарованій, такая сила, которая, чрезъ внѣшнее дѣйствіе помазанія, запечатлѣваетъ христіанина печатію святаго священства, всегда почиваетъ на немъ, проникаетъ и освящаетъ сердце, усовершая во всякомъ добромъ дѣлѣ припавшаго это помазаніе, какъ печать дара Духа Святаго, и научая всему, какъ помазаніе истинное и неложное (1 Іоан. II, 20. 27; 2 Корин. I, 21—22; 1 Петр. IV, 14; II, 5; III, 15; Филип. II, 13; Евр. XIII, 21).

Наконецъ, какъ по ученію Іисуса Христа, такъ и по ученію апостольскому, дѣло спасенія не ограничивается одною только вѣрою въ спасительную силу оправдывающей, возрождающей и освящающей благодати Божіей, хотя бы эта вѣра и сопровождалась крещеніемъ, а вмѣстѣ съ сознательно свободнымъ и дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлѣ спасенія со стороны самого человѣка. По ученію Іисуса Христа всякій вѣрующій въ Него и жаждущій получить спасеніе долженъ взять крестъ свой и идти въ слѣдъ своего Господа, возлюбить Его всѣмъ сердцемъ своимъ—больше, чѣмъ любить человѣкъ отца своего и мать, возлюбить до самопожертвованія и самоотверженія, возлюбить такъ, чтобы безъ всякаго страха предъ убивающими тѣло, души же не могущими убить, неуклонно пребывать въ томъ небесномъ ученіи, благовѣствованіе котораго сподобился услышать, и непрестанно стараться возрастить посѣянное въ сердцѣ сѣмя слова Божія и сотворить плодъ много въ терпѣніи, усовершаясь въ постѣ и молитвѣ предъ очами Отца небеснаго и украшая себя смиреніемъ и дѣлами благотворительности христіанской, быть мудрымъ какъ змѣя и цѣлымъ какъ голубъ въ отношеніи ко всякаго рода соблазнамъ и грѣховнымъ удовольствіямъ міра (Мѡ. X, 16; XVIII, 6—10; XIII, 14; XI, 15; XIII, 12; X, 38; XX, 26; VI, 3; VI, 16—18. 24—34; Мрк. IX, 42; IV, 24. 25; Лук. XVII, 1—2; IV, 24; XII, 57—58; VIII, 18. 15; Іоан. VIII, 31 — 32; XV, 16; XVI,

33). Только таковыя труждающіеся и обремененные найдутъ истинное упокоеніе у своего Господа и радость ихъ будетъ исполнена въ обителяхъ Отца небеснаго, гдѣ награда ихъ велика (Мѡ. V, 4, 12; XI, 28; Іоан. XIV, 2; XV, 11). Равнымъ образомъ и апостолы говорятъ, что не отъ вѣры одной оправдывается человѣкъ, но отъ вѣры, споспѣшествуемой любовію и добрыми дѣлами. А потому христіанинъ облекшись во вся оружія христіанскихъ добродѣтелей, долженъ трезвиться и бодрствовать, тщательно противостоя всѣмъ искушеніямъ плоти и кознямъ діавола, непрестанно со страхомъ наблюдая, чтобы святить Господа въ сердцѣ и не пасть и тѣмъ не погасить духа благодати Божіей, а напротивъ, обновлять и освящать Его въ себѣ, какъ новой твари во Христѣ. Только за такую, оживляемую дѣлами добродѣтели вѣру, какъ за истинно добрый подвигъ, христіанинъ получить вѣнецъ правды отъ Господа на будущемъ праведномъ судѣ Божіемъ, къ похвалѣ, чести и славѣ въ явленіе Ісуса Христа (Галат. V, 6; Іак. II, 21; 1 Корин. X, 12; Ефес. VI, 11 — 18; 1 Петр. V, 8; I, 7; III, 15; 2 Тим. II, 5; IV, 7).

Ученіе о благодати Святаго Духа, по силѣ крестныхъ заслугъ Искупителя обильно изливаемой на членовъ церкви Христовой въ таинствахъ чрезъ лицъ, принадлежащихъ къ священной іерархіи, составляетъ собою ученіе о такихъ предметахъ, которые естественно очень мало могли быть раскрыты самимъ Іисусомъ Христомъ, какъ относящіеся ко времени уже утвержденного благодатнаго царства, руководимаго и просвѣщаемаго уже инымъ Утѣшителемъ—Духомъ Святымъ. Самъ Іисусъ Христосъ устройство церкви, съ ея іерархическими представителями и благодатными таинствами, предоставлялъ будущему, говоря, что Онъ многое имѣлъ бы сказать ученикамъ своимъ, но они не могутъ вмѣстить этого; когда же придетъ Духъ истины, Онъ возвѣститъ будущее и наставитъ ихъ на всякую истину; потому что не отъ себя будетъ говорить, но говорить будетъ только то, что услышитъ (Мѡ. XVI, 18; Іоан. XVI, 12 — 14). А потому въ данномъ случаѣ то-

ждество въ содержаніи между Христовымъ и апостольскимъ раскрытіемъ разсматриваемаго ученія нимало не нарушается, если въ рѣчахъ Иисуса Христа ученіе о церкви, іерархіи и таинствахъ раскрыто, относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, прикровенно, въ болѣе или менѣе общихъ, хотя и существенно основныхъ чертахъ, сравнительно съ полнотою и опредѣленностію раскрытія этого ученія въ писаніяхъ апостольскихъ.

Характеристическою чертою формальнаго различія между ученіемъ о церкви самого Иисуса Христа и апостоловъ служить то, что Иисусъ Христосъ раскрываетъ это ученіе подъ формою ученія о царствѣ. Слово царство было извѣстно современникамъ Иисуса Христа, какъ царство Божіе и имѣющее наступить царство Мессіи (Лук. XIV, 15; Мрк. XI, 10; Мѡ. III, 2). А потому Иисусъ Христосъ и избираетъ это слово, какъ самый лучшій терминъ, могущій выяснить іудеямъ истинное понятіе объ устрояемой Спасителемъ церкви, тѣмъ болѣе, что Иисусъ Христосъ, при своемъ ученіи о церкви, какъ царствѣ, всегда старался отстранить ложное понятіе, какое іудеи примѣшивали къ слову царство, какъ земному царству Мессіи, и постоянно давалъ знать, что Онъ далекъ отъ мысли земнаго владычества, что царство Его не отъ міра сего и т. п. (Іоан. XVIII, 36). Правда, слово царство Иисусъ Христосъ употребляетъ въ различныхъ смыслахъ. Иногда Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ все свое ученіе и все свое дѣло, говоря о приближеніи царства небеснаго, о проповѣди евангелія царствія Божія и т. п. (Мѡ. IV, 17; IX, 35; X, 7; Лук. IV, 43; Іоан. XVIII, 36). Иногда же подъ словомъ царство Иисусъ Христосъ разумѣетъ только дѣло искупленія и усвоенія человекомъ крестныхъ заслугъ Искупителя, когда говоритъ, что со времени Іоанна Крестителя, какъ предтечи Мессіи и проповѣдника покаянія, царство небесное нудится и нудницы восхищаютъ его. (Мѡ. XI, 12; Лук. XVI, 16. ср. Мѡ. XI, 11). Но преимущественно подъ словомъ царство Иисусъ Христосъ разумѣетъ церковь, когда научаетъ учениковъ своихъ молиться: *да придетъ царствіе*

твое (Мѣ. VI, 10), или когда говорить: *есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, доколе не увидятъ сына человѣческаго, грядущаго во царствіи своемъ* (Мѣ. XVI, 28). Такимъ образомъ, раскрывая ученіе о церкви подъ формою ученія о царствѣ, Иисусъ Христосъ принимаетъ слово церковь въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ нею, какъ церковь земную, состоящую изъ вѣрующихъ въ Него, такъ и церковь небесную, церковь торжествующую. Понимаемая въ этомъ обширномъ смыслѣ, церковь Божія есть уготованное отъ сложенія міра царствіе Божіе (Мѣ. XIV, 34) и во времени получающее свое бытіе (какъ это прекрасно изображаютъ притчи: о сѣятелѣ, о плевелахъ, о зернѣ горчичномъ, о закваскѣ, о сокровищѣ, о жемчужинѣ, о неводѣ—Мѣ. XIII гл.), будучи устроено Богомъ изъ духовно-разумныхъ существъ, съ главою Иисусомъ Христомъ, какъ краеугольнымъ камнемъ созидаемаго зданія Божія (Мѣ. XXI, 42). А потому, это царство Божіе есть царство Сына Божія и царство не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36), такъ какъ оно будетъ существовать вѣчно (Мѣ. XXVIII, 20) и соединяетъ въ себѣ воедино всѣхъ людей, отъ востока и запада приходящихъ и имѣющихъ приходить въ него (Іоан. VII, 21; Мѣ. VIII, 11. Притчи: о работникахъ, нанмававшихся въ разное время дня для работы въ виноградникѣ, о злыхъ виноградаряхъ, о добромъ пастырѣ—Мѣ. XX, 1—16; XXI, 33—34; Іоан. 10 гл.), и ангеловъ, которые, будучи членами церкви небесной, имѣютъ самое близкое участіе въ судьбѣ членовъ устрояемой Иисусомъ Христомъ церкви на землѣ (Мѣ. XVIII, 10; Лук. XV, 10). Въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ царство Божіе, по ученію Иисуса Христа, есть церковь, въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ существующее на землѣ общество вѣрующихъ въ Иисуса Христа (Мѣ. XVI, 18; XVIII, 17—18), объединяемыхъ любовію и вѣрою въ Господа Искушителя, и притомъ, такъ тѣсно, какъ соединяются виноградныя вѣтви съ самою лозою, такъ что всѣ вступающіе въ это общество, какъ отдѣленные отъ всякихъ другихъ связей и отношеній въ мірѣ, составляютъ

одно въ Иисусѣ Христѣ и Богѣ Отцѣ, подобно тому, какъ и самъ Иисусъ Христосъ, какъ Сынъ, во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ (Мѡ. X, 32; Іоан. XIII, 14; XIV, 20; XV, 1. 4. 5. 12. 17; XVII, 20—23). Понимаемая въ этомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ, церковь, какъ общество внѣшнимъ образомъ дѣйствительно существующее на землѣ, помимо внутреннихъ своихъ узъ, вѣры и любви, объединяется и руководствуется связями и средствами внѣшними, какъ то: извѣстною внѣшнею дисциплиною и порядкомъ въ устройствѣ и существованіи церкви (Мѡ. XVIII, 17. 20), открытымъ исповѣданіемъ вѣры (Мѡ. X, 32—33), правомъ учительства (Мѡ. XXVIII, 19—20), совершенія священнодѣйствія крещенія (Мѡ. XXVIII, 19) и евхаристіи (Лук. XXII, 19—20), какъ правомъ нѣкоторыхъ лицъ, облеченныхъ высокими полномочіями вязать и рѣшить совѣсти вѣрующихъ (Іоан. XX, 23). Поэтому церковь, устрояемая Иисусомъ Христомъ, есть единая, по силѣ единенія всѣхъ въ Иисусѣ Христѣ и Богѣ Отцѣ (Іоан. XVII, 21—23), и вселенская, какъ вмѣщающая въ нѣдрахъ своихъ всѣхъ, приходящихъ отъ востока и запада, и простирающая слово благовѣствованія во весь міръ предъ лице всѣхъ народовъ (Мѡ. VIII, 11; XXVIII, 19. 20; Мрк. XVI, 15). Но церковь въ то же время есть святая и непогрѣшимая въ своемъ ученіи и своихъ дѣйствіяхъ, потому что съ нею пребываетъ во все дни до скончанія вѣка Христосъ (Мѡ. XXVIII, 20), вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ (Іоан. XVII, 21—23; XIV, 20), и Утѣшитель Духъ истины, который наставляетъ на всякую истину (Іоан. XVI, 13—14). Правда, въ нѣдрахъ церкви, какъ общества, учреждаемаго среди грѣховнаго міра, всегда возможны уклоненія отъ пути истины и нравственное паденіе (Іоан. XVII, 11—16), но только въ лицѣ отдѣльныхъ личностей (Мѡ. XVIII, 17); въ общемъ же никакія силы ада не могутъ сокрушить се, какъ основанную на твердомъ камени Христѣ (Мѡ. XVI, 18). Церковь Христова, не смотря на немощи нѣкоторыхъ изъ членовъ своихъ, сама въ себѣ всегда останется святою и непогрѣшимою, какъ это прекрасно изображаютъ

притчи: о плевелахъ, посѣянныхъ діаволомъ между добрыми сѣменами и оставленныхъ вмѣстѣ расти до жатвы, и о неводѣ, извлекающемъ изъ моря вмѣстѣ съ хорошими и дурныя рыбы (Мѡ. XIII, 24—30. 47—50).

Обращаясь къ ученію апостольскому о церкви, нельзя не видѣть и здѣсь полнѣйшаго тождества въ содержаніи съ ученіемъ самого Іисуса Христа. Въ соотвѣтствіе ученію Спасителя о виноградной лозѣ и вѣтвяхъ, о единомъ дворѣ овчемъ съ единымъ пастыремъ, апостолы не касаются ученія Іисуса Христа о царствѣ, какъ церкви въ ея обширномъ значеніи, только одинъ разъ упоминая о церкви торжествующей, какъ церкви перворожденныхъ на небесахъ написанныхъ и тѣмахъ ангеловъ (Евр. XII, 22—23); но говорятъ о церкви видимой земной, какъ церкви, основанной на единомъ краеугольномъ камени Іисусѣ Христѣ (Ефес. II, 20—22), и какъ единомъ тѣлѣ, глава котораго есть самъ Іисусъ Христосъ, члены же всѣ вѣрующіе. Всѣ эти члены церкви Христовой, въ своей совокупности, суть едино тѣло о Христѣ Іисусѣ, а порознь одинъ для другаго члены, но притомъ такъ, что какъ въ тѣлѣ каждый изъ членовъ имѣетъ неодинаковое значеніе для жизни всего тѣла и исполняетъ только извѣстныя отправленія и назначеніе, такъ и въ тѣлѣ церкви Христовой, хотя всѣ крестились въ одно тѣло и всѣ напоены однимъ Духомъ, тѣмъ не менѣе, по различію даровъ Духа Святаго, одни поставлены Богомъ въ церкви апостолами, другіе пророками, третьи учителями, и такимъ образомъ каждый долженъ служить соразмѣрно тому положенію, въ какое поставилъ его Богъ, какъ члена тѣла Христова, служить для блага и во имя единой цѣли и назначенія всего тѣла, чтобы пребывать въ обновленіи жизни, послѣ спогребенія въ смерть Іисуса Христа въ крещеніи и по подобію Его воскресенія изъ мертвыхъ. Строго-органическое единство членовъ тѣла церкви Христовой простирается до того, что страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ и всѣ другіе члены, славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются и всѣ члены (Колос. I, 18;

Ефес. II, 10; V, 23—25; Римл. XII, 5; VI, 3—4; 1 Корин. XII гл.). А потому церковь Христова, обѣщая спасеніе всякому, кто призоветъ имя Господне, не смотря на то—будетъ ли онъ іудей или еллинъ (Колос. III, 11; Римл. X, 12—13), т. е. будучи церковію вселенскою, есть церковь апостольская, созданная на основаніи апостоловъ и пророковъ (Ефес. II, 20; Апок. XXI, 14), и вмѣстѣ съ тѣмъ церковь единая, по единству лежащаго въ основаніи краеугольнаго камня, главы и спасителя тѣла церкви—Христа (Ефес. II, 20—22; V, 23; 1 Корин. III, 11), по единству руководящаго ею Духа Святаго (Ефес. IV, 3—4), по единству единого упованія званія христіанина, единой вѣры, единого познанія Сына Божія и единой цѣли созданія на дѣла благія (Ефес. IV, 3—6. 12—13; II, 10). Но имѣя въ основаніи своемъ единого Іисуса Христа и единого руководителя, Духа Святаго, церковь свята, такъ какъ Іисусъ Христосъ принесъ Себя въ жертву для того, чтобы освятить церковь, очистивъ банею водною посредствомъ слова, чтобы представить ее себѣ славною церковію, не имѣющею пятна или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна (Ефес. V, 26—27). Потому-то все зданіе, какъ основанное на Іисусѣ Христѣ, растетъ въ церковь святую о Господѣ и всѣ члены ея, какъ руководимые единымъ Духомъ Святымъ, суть сыны Божіи (Ефес. II, 20—22; Римл. VIII, 4—16).

На основаніи изложеннаго ученія о церкви въ устахъ Іисуса Христа и апостоловъ, нельзя не видѣть, съ одной стороны, полнѣйшаго, какъ мы выше замѣтили, тождества по содержанію ученія апостольскаго съ ученіемъ Іисуса Христа, а съ другой—нельзя не убѣдиться въ томъ, что апостолъ Павелъ, раскрывая подъ формою ученія о тѣлѣ мысль Іисуса Христа о виноградной лозѣ и вѣтвяхъ и о дворѣ овчемъ, имѣющемъ единого пастыря, тѣмъ самымъ яснѣйшимъ образомъ показываетъ, что и все дальнѣйшее устройство церкви, т. е. іерархія и благодатныя средства освященія вѣрующихъ, таинства, хотя подробно раскрывается только въ устахъ апостоловъ, тѣмъ

не менѣе не есть собственное измышленіе апостольское, а совершенно согласное съ ученіемъ Иисуса Христа, какъ необходимое раскрытіе того, что само собою предполагаетъ общее ученіе о церкви и самое существованіе ея, какъ общества вѣрующихъ, какъ единого тѣла Христова. Очевидно, что еслибы не было въ тѣлѣ церкви Христовой тѣхъ или другихъ средствъ для поддержанія ея существованія, еслибы не было тѣхъ или другихъ членовъ, имѣющихъ то или другое назначеніе, тѣ или другія отправленія, какъ руководителей и посредниковъ этого общества на пути спасенія; то не могло бы существовать и самое тѣло и даже вовсе не было бы его, какъ именно тѣла, въ смыслѣ живаго и совершеннѣйшаго организма (1 Корин. XII, 18—20). Такимъ образомъ, если въ писаніяхъ апостольскихъ, какъ мы увидимъ, весьма подробно, сравнительно съ ученіемъ самого Иисуса Христа, говорится объ іерархіи и таинствахъ, то это нимало не нарушаетъ тождества Христова и апостольскаго ученія въ содержаніи, а свидѣтельствуетъ только о раскрытіи апостолами внѣшняго устройства основанной самимъ Иисусомъ Христомъ церкви, и притомъ, устройства, совершенно сообразнаго съ мыслию самого Иисуса Христа, такъ какъ нѣкоторые и самыя основныя черты этого устройства указаны самимъ Иисусомъ Христомъ, остальные же, указываемыя апостолами, не только нимало не нарушаютъ тождества въ содержаніи съ ученіемъ Иисуса Христа, а напротивъ, необходимо предполагаютъ собою это ученіе. Еслибы даже дѣйствительно въ ученіи Иисуса Христа не было ни малѣйшаго указанія на то или другое устройство церкви; то и тогда тождество Христова и апостольскаго ученія въ содержаніи осталось бы неприкосновеннымъ. Тѣ или другія степени іерархіи и тѣ или другія благодатныя средства, какъ пути, проводящіе собою все обиліе даровъ Духа Святаго и обнимающіе всю жизнь каждаго христіанина, служатъ только выраженіемъ одной и той же идеи Спасителя о благодатномъ сохраненіи и поддержаніи незыблемаго существованія тѣла церкви, и слѣдовательно, ни мало не составляютъ собою осложненія

зерна ученія Христова, искажающаго истинный духъ христіанскаго міровоззрѣнія, къ чему собственно и направлена основная мысль Баура и его школы. Такимъ образомъ, для насъ въ данномъ случаѣ должно быть важно только то, проводится ли и выражается ли въ ученіи апостольскомъ объ іерархическомъ устройствѣ церкви и таинствахъ одна основная идея Спасителя—идея силы и благодатныхъ даровъ Духа Святаго, непрестанно имѣющаго пребывать, чрезъ посредство апостоловъ, и слѣдовательно ихъ преемниковъ, въ сердцахъ членовъ церкви Христовой и наставлять ихъ на всякую истину (Іоан. XIV, 16—17. 26, XVI, 13).

Общая мысль Іисуса Христа, въ отношеніи необходимости іерархическаго устройства церкви, ясно выражается въ томъ, что самъ Іисусъ Христосъ рѣшительно выдѣляетъ апостоловъ изъ среды всѣхъ остальныхъ вѣрующихъ. Онъ посылаетъ апостоловъ въ міръ также, какъ самъ посланъ Отцемъ небеснымъ, уполномочивая ихъ властію прощать и держать грѣхи вѣрующихъ и правомъ учительства и священнодѣйствія (Іоан. XX, 21—23; Мѡ. XXVIII, 19. 20; Мрк. XVI, 15), хотя въ тоже время высшій авторитетъ суда и власти оставляется за всею церковію, такъ что только преслушаніе голоса всей церкви можетъ дѣлать вѣрующаго отлученнымъ отъ общества вѣрующихъ и подобнымъ язычнику и мытарю (Мѡ. XVIII, 17). Въ частности же, въ отношеніи трехъ степеней іерархіи, находятъ въ устахъ Іисуса Христа только одно прикровенное указаніе, когда Господь различаетъ принатіе вѣрующими апостоловъ, пророковъ и праведниковъ (Мѡ. X, 40—42, ср. 1 Корин. XII, 28). Апостолы, съ своей стороны, въ ученіи объ іерархическомъ устройствѣ церкви остались вполне вѣрными идеѣ Спасителя о преемникахъ апостольскаго служенія, какъ лицахъ особымъ образомъ облагодатствованныхъ и служащихъ посредниками между Богомъ и вѣрующими. Правда, и въ писаніяхъ апостольскихъ, вслѣдствіе еще не утвердившейся терминологіи, часто смѣшиваются названія: пресвитеръ и епископъ, такъ что иногда пресвитеры называются епископами (Дѣян. XX, 17.

28; Тит. I, 7; Филип. I, 1; 1 Тим. III гл.), а иногда апостолы, какъ епископы, сами называютъ себя пресвитерами (1 Петр. V, 1—2; 2 Иоан. I, 1. 3; 3 Иоан. 1, 1). Тѣмъ не менѣе въ устахъ апостольскихъ находятся ясныя указанія на всѣ три степени іерархіи, какъ различающіяся по сообщаемымъ каждой изъ нихъ благодатнымъ дарамъ и власти. Апостоль Павелъ заповѣдуетъ епископамъ, да не перадаютъ они о томъ дарованіи, которое дано имъ чрезъ возложеніе рукъ священства, но да возгрѣвають этотъ даръ Божій, живущій въ нихъ, и да поставляютъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, оказывая сугубую честь тѣмъ изъ нихъ, которые прилежатъ добръ и трудятся въ словѣ и ученіи, равно какъ принимая и разбирая при свидѣтеляхъ прошенія, подаваемые на провинившихся пресвитеровъ (1 Тим. IV, 14; V, 17. 19; Тит. I, 5). Равнымъ образомъ, въ писаніяхъ апостольскихъ говорится о пресвитерахъ, какъ лицахъ, поставленныхъ Духомъ Святымъ пасти церковь Господа и Бога, быть Божиими домостроителями, учителями въ здоровомъ и истинномъ ученіи и обличителями противящихся этому ученію (Дѣян. XX, 28; Тит. I, 6—11), и о діаконахъ, какъ лицахъ, поставляемыхъ также чрезъ возложеніе рукъ и получающихъ соотвѣтственные благодатные дары, какъ показываютъ наставленія апостола относительно избранія и нравственнаго достоинства діаконовъ (Дѣян. VI, 3—6; 1 Тим. III, 8—13). Наконецъ, даже мысль Спасителя о вселенскомъ судѣ церкви въ дѣлѣ вѣры нашла для себя въ практикѣ апостольской самое точное выраженіе въ фактѣ собора апостольскаго въ Іерусалимѣ (Дѣян. XV, 5—34).

Что же касается до ученія о таинствахъ, то самъ Іисусъ Христосъ ясно указываетъ на крещеніе во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ на необходимое условіе, безъ котораго невозможно получить спасеніе (Мѡ. XXVIII, 19; Мрк. XVI, 16; Иоан. III, 5); кромѣ того, повелѣваетъ совершать въ воспоминаніе Господа преломленіе хлѣба, какъ истиннаго тѣла Спасителя, и благословеніе чаши съ виномъ, какъ истинной Его крови (Лук. XXII. 19—30), и, наконецъ, даетъ апосто-

ламъ власть связывать и разрѣшать, прощать и удерживать грѣхи, такъ что связанное ими на землѣ, будетъ связано и на небесахъ, а разрѣшенное на землѣ, будетъ разрѣшено и на небесахъ (Іоанъ XX, 21—23; Мѣ. XVI, 19). Такимъ образомъ, самъ Іисусъ Христосъ говоритъ о таинствахъ: крещенія, евхаристіи и покаянія ¹⁾, и говоритъ именно какъ о таинственныхъ священнодѣйствіяхъ, совершаемыхъ чрезъ лицъ, принадлежащихъ іерархіи, и сообщающихъ вѣрующимъ благодатные дары Духа Святаго. Въ совершенномъ соотвѣтствіи ученію Іисуса Христа о таинствахъ и общей идеѣ церкви, какъ благодатнаго царства, апостолы въ своихъ писаніяхъ указываютъ на всѣ семь таинствъ, принимаемыхъ православпо-христіанскою церковію, и притомъ говорятъ объ нихъ такъ, какъ именно о важнѣйшихъ церковныхъ священнодѣйствіяхъ, чрезъ которыя сообщаются обильные и многоразличные дары Духа Святаго, хотя эти священнодѣйствія и не называются апостолами прямо таинствами въ томъ спеціальному смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается слово таинство ²⁾).

Таинство крещенія называется апостолами банею водною въ глаголѣ и изображается какъ сногребеніе Христу и баня

¹⁾ Упомянутое самимъ Іисусомъ Христомъ только о трехъ таинствахъ имало не должно смущать истинно вѣрующее сердце христіанина, такъ какъ въ данномъ случаѣ Іисусъ Христосъ упоминаетъ именно о такихъ таинствахъ, о которыхъ только Ему самому надлежало дать заповѣди апостоламъ, какъ основателю благодатнаго царства, а не какъ раздателю благодатныхъ даровъ, что, какъ мы уже замѣчали, принадлежитъ собственно иному Утѣшителю, Духу Святому, многоразличныя дарованія котораго, обнимающія собою всѣ условія жизни христіанина, и составляютъ предметъ остальныхъ таинствъ церковныхъ, вмѣстѣ съ указанными и самимъ Іисусомъ Христомъ.

²⁾ Хотя въ писаніяхъ апостольскихъ и упоминается о строителяхъ таинъ Божіихъ (1 Корин. IV, 1); тѣмъ не менѣе слово таинство (*mysterion*) въ устахъ апостоловъ употребляется въ смыслѣ болѣе обширномъ, такъ какъ этимъ словомъ означаетъ апостолами всѣ важнѣйшія и непостижимыя тайны христіанскаго ученія, какъ напримѣръ: тайна воплощенія (1 Тим. III, 16), таинство вѣры и ученія Христова, какъ премудрости Божіей въ тайнѣ сокровенной (1 Корин. II, 7; Колос. II, 2; IV, 3; 1 Тим. III, 9), и таинство воскресенія мертвыхъ (1 Корин. XV, 51).

паки бытія и обновленія жизни, такъ что крещенный получаетъ прощеніе грѣховъ, омывается, освящается, оправдывается, становится членомъ тѣла церкви Христовой и сыномъ Божиимъ, во Христа крестившись и во Христа облекшись (1 Корин. VI, 11; XII, 13; Ефес. V, 26; Галат. III, 26, 27; Тит. III, 5; Римл. VI, 3—4). Таинство миропомазанія въ писаніяхъ апостольскихъ ясно и рѣшительно различается отъ таинства крещенія, какъ по самому внѣшнему дѣйствию, такъ и по духовнымъ дарамъ, сообщаемымъ въ этомъ таинствѣ. Изъ практики апостольской мы видимъ, что апостолы сначала крестили тѣхъ, которые желали принять вѣру Христову, а затѣмъ уже возлагали на нихъ руки и тѣмъ пизводили на новокрещенныхъ Духа Святаго, такъ что благодатныхъ даровъ Духа Святаго не имѣли тѣ, которые только еще крещены были во имя Господа Іисуса (Дѣян. VIII, 15 — 18; 19, 5—6). Далѣе, въ апостольскихъ писаніяхъ прямо различаются: крещеніе и возложеніе рукъ, просвѣщеніе и причастіе Духа Святаго, какъ обрученіе Духа въ сердцахъ вѣрующихъ и печать, которою они знаменовались въ день избавленія, такъ что имѣющіе помазаніе отъ Святаго знаютъ все и не имѣютъ нужды, чтобы кто училъ ихъ; потому что самое это помазаніе, въ отличіе отъ другихъ чрезвычайныхъ даровъ Духа Святаго, какъ на примѣръ даръ языковъ, постоянно въ нихъ пребываетъ и научаетъ всему, будучи помазаніемъ истиннымъ и неложнымъ (Евр. VI, 1—5; 2 Корин. I, 21—22; Ефес. IV, 30; 1 Іоан. II, 20, 27, ср. 1 Корин. XIV гл.). Въ отношеніи таинства причащенія, апостолъ, указывая на заповѣдь Іисуса Христа, творить въ Его воспоминаніе преломленіе хлѣба, какъ истиннаго тѣла Христова, и благословеніе чаши, какъ истинной крови Христовой, ясно и опредѣленно выясняетъ это священнодѣйствіе, какъ таинство. Онъ такъ говоритъ о трапезѣ Господней, совершавшейся въ церкви апостольской вмѣстѣ съ вечерію любви: *чаша благословенія, которую благословляемъ, не есть ли приобщеніе крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе тѣла Хри-*

стова? потому что всякій разъ, когда вы подите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколь Онъ придетъ. Посему, кто будетъ псть хлѣбъ сей, или пить чашу Господню недостойно, тотъ пстъ и пьетъ осужденіе себя, не разсуждая о тѣлѣ Господнемъ. Да испытываетъ же себя человекъ, и такимъ образомъ пусть пстъ отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей (1 Корин. X, 16. 21; XI, 20—29). Въ отношеніи таинства покаянія, апостолы выясняютъ и всю необходимость покаянія, говоря, что мы будемъ обманывать себя, если скажемъ, что грѣха не имѣемъ, а если исповѣдуемъ грѣхи наши, то вѣренъ призывай, что Онъ проститъ намъ грѣхи и очиститъ отъ всякой неправды (1 Иоан. I, 8—9; Дѣян. III, 19; 2 Петр. III, 9), и въ тоже время указываютъ на дѣйствительность покаянія, какъ таинства, говоря о дарѣ заступленія (1 Корин. XII, 28) и служеніи примиренія (2 Корин. V, 18) и указывая на самихъ себя, какъ на вооруженныхъ оружіемъ воинства не плотскимъ, но духовнымъ (2 Корин. X, 3—6), и какъ на облеченныхъ отъ Господа властію къ созиданію, а не къ разоренію (2 Корин. XIII, 10), властію прощать и разрѣшать грѣхи (2 Корин. II, 7), равно какъ и предавать людей грѣшныхъ и богохульныхъ сатанѣ во изможденіе плоти, въ видахъ наказанія и исправленія для спасенія души (1 Тим. I, 20; 1 Корин. V, 1—5). При томъ, изъ практики церковной видно, что въ церкви апостольской за нѣкоторые особенно важные грѣхи требовалось публичное покаяніе (1 Корин. V, 1—5; 2 Корин. II, 7), а отпадшихъ отъ вѣры, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему, даже вовсе запрещалось опять обновлять покаяніемъ (Евр. VI, 1—6). Что касается до таинства священства, то помимо вышеизложенныхъ нами указаній на три степени іерархіи, важность этого священнодѣйствія, какъ таинства, видна изъ того, что апостолы сами совершая и своихъ преемниковъ научая совершать это священнодѣйствіе чрезъ возложеніе рукъ, говорятъ о дарѣ Божіемъ сообщаемомъ чрезъ это возложеніе и о сошествіи Святаго Духа на руко-

полагаемыхъ, какъ на поставляемыхъ на степень священства самимъ Духомъ Святымъ. Потому-то и заповѣдуются апостолами *руки скоро не возлагать ни на кого же*, такъ какъ для великаго служенія священства требуются лица высоко нравственной и святой жизни, чтобы они не пренебрегли полученнымъ чрезъ возложеніе рукъ даромъ Божиимъ, по могли възгрѣвать его (1 Тим. IV, 14; 5, 22; III гл.; 2 Тим. I, 6; Дѣян. XIV, 23; VI, 6; 20, 28; Ефес. IV, 11; 1 Корин. XII, 28). О таинствѣ брака апостолы прямо говорятъ какъ о бракѣ о Господѣ и союзѣ отъ Бога, какъ о тайнѣ великой, по образу союза Христа съ церковію, такъ что брачующіеся во имя этого союза должны оставить отца и мать и прилѣпиться другъ къ другу, причомъ мужъ долженъ любить свою жену также, какъ онъ любитъ свое собственное тѣло, подобно Христу, до крестной смерти возлюбившему церковь, питающему и грѣющему ее, а жена должна повиноваться своему мужу какъ главѣ, потому что и церковь повинуется Христу, какъ главѣ тѣла церкви (Ефес. V, 22—33; 1 Корин. VII, 28; 38—39; XI, 9—12) ¹⁾. О таинствѣ елеосвященія, наконецъ, у апостола Іакова прямо говорится какъ о священнодѣйствіи, состоящемъ изъ молитвъ и помазанія болящаго елеемъ и совершающемся обыкновенными пресвитерами, а не лицами, обладающими чрезвычайными дарами Духа Святаго, и, притомъ, говорится именно какъ о такомъ священнодѣйствіи, чрезъ которое получается исцѣленіе болящаго и прощеніе грѣховъ (Іак. V, 14—15).

III.

Въ отношеніи послѣдняго пункта христіанскаго догматическаго ученія о Богѣ, т. е. ученія о Богѣ, какъ выполнителѣ своихъ цѣлей о мірѣ, или ученія о кончинѣ міра и

¹⁾ Такимъ образомъ ученію апостола Павла о бракѣ, какъ таинствѣ, не могутъ составлять ни малѣйшаго противорѣчія тѣ мѣста, въ которыхъ, въ виду злоупотребленій и неустройствъ въ церкви коринфской, бракъ предлагается какъ средство для избѣжанія блудодѣянія (1 Корин. VII, 1—2. 9).

о Богѣ, какъ Судии и Мздовоздаятелѣ, характеристическую черту различія, между Христовымъ и апостольскимъ ученіемъ, составляетъ то, что Иисусъ Христосъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ рѣчей, въ отличіе отъ ученія апостольскаго, говоритъ о кончинѣ міра и о будущемъ судѣ и мздовоздаяніи подѣ формою ученія объ имѣющемъ нѣкогда наступить царствѣ Сына Божія. Это будущее небесное царство, по изображенію Иисуса Христа, имѣетъ открыть самъ Господь Иисусъ Христосъ, когда Онъ, какъ царь, придетъ во славу Отца Своего со всѣми святыми ангелами Своими и воздастъ каждому чловѣку по дѣламъ его, послѣ чего праведники, собравшись отъ востока и запада, возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небесномъ, какъ благословенные Отца небеснаго (Мѣ. XVI, 26—27; XXV, 31—46; VIII, 11). Но помимо ученія о царствѣ, какъ формальнаго различія между Христовымъ и апостольскимъ ученіемъ о послѣднихъ временахъ, Иисусъ Христосъ въ есхатологической своей рѣчи прямо и опредѣленно говоритъ о второмъ своемъ пришествіи, о кончинѣ міра, о странномъ судѣ и мздовоздаяніи праведникамъ и грѣшникамъ ¹⁾. По ученію Иисуса Христа никто не

¹⁾ Отрицательные критики обращаютъ свое вниманіе въ есхатологической рѣчи Спасителя на слова: *и вдругъ (ἐκτότῃ), послѣ скорби дней тѣхъ, а также: не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе сбудется* (Мѣ. XXIV, 29. 34). На основаніи этихъ выраженій они заключаютъ, что Иисусомъ Христомъ въ Его есхатологической рѣчи совершенно смѣшиваются между собою событія послѣднихъ временъ и событія разрушенія Іерусалима, такъ что въ этомъ смѣшанномъ сборникѣ, по ихъ мнѣнію, различныхъ рѣчей Спасителя совершенно нельзя признать, что относится къ ученію о послѣднихъ временахъ и что къ судьбѣ Іерусалима, а если и можно выдѣлать нѣкоторыя черты, изображающія событія послѣднихъ временъ, то, во всякомъ случаѣ, эти будущія событія нимало не отдѣляются по времени слѣдованія отъ событій разрушенія Іерусалима. Но указанія на событія послѣднихъ временъ необходимо должны быть въ есхатологической рѣчи Спасителя и въ тоже время могли быть высказаны не иначе, какъ въ связи съ пророчествомъ о разрушеніи Іерусалима, такъ какъ ученики Иисуса Христа, соединяя съ іудейской точки зрѣнія событіе разрушенія Іерусалима съ кончиною міра, въ одно и тоже время спрашивали и о времени разрушенія Іерусалима и о признакахъ втораго пришествія Спасителя и кончины вѣка

знаетъ ни дня, ни часа, въ который придетъ сынъ человеческій, и потому всѣ постоянно должны бодрствовать, въ ожиданіи пришествія Господня (Мѡ. XXV, 13). Тѣмъ не менѣе второе пришествіе Господне имѣетъ быть спустя долгое время, какъ это прекрасно изображаютъ притчи: о дѣвахъ, заснувшихъ въ ожиданіи промедлившаго жениха (Мѡ. XXV, 1—13), и о господинѣ, спустя долгое время возвратившемся для востребованія данныхъ при отправленіи въ дальній путь рабамъ талантовъ (Мѡ. XXV, 14—30). Прежде чѣмъ наступитъ кончина міра, на мѣстѣ Іерусалима не останется камня на камнѣ (Мѡ. XXIV, 2), а на мѣстѣ храма будетъ мерзость запустѣнія, предсказанная пророкомъ Даніиломъ (Мѡ. XXIV, 15), и по всей вселенной проновѣдапо будетъ евангеліе царствія; во свидѣтельство всѣмъ народамъ (Мѡ. XXIV, 14; VIII, 11). Въ совершенномъ соотвѣтствіи ученію Іисуса Христа, а именно, выходя изъ наставленій Спасителя о постоянномъ бодрствованіи, въ виду неизвѣстности дня и часа пришествія Господня, апостолы говорятъ, что день Господень придетъ внезапно, какъ тать ночью (2 Петр. III, 10; 1 Сол. V, 2—3), что у Господа одинъ день, какъ тысяча лѣтъ и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день (2 Петр. III, 8), а потому и о своемъ времени говорятъ, какъ о времени послѣднемъ, какъ о послѣдней годинѣ и часѣ предъ кончиною міра (1 Іоан. II, 18; 1 Петр. IV, 7). Но было бы слишкомъ поспѣшно заключать отсюда, какъ это дѣлаетъ отрицательная критика, что апостолы полагали пришествіе Господне въ скоромъ времени, и слѣдовательно оказались

(Мѡ. XXIV, 1—3). Притомъ, при сопоставленіи 24-й главы евангелія отъ Маттея съ 25-ю главою, которая служитъ продолженіемъ и разъясненіемъ сесхатологической рѣчи Спасителя, всякія недоумѣнія должны сами собою разсѣяться; потому что тогда ученіе Іисуса Христа о кончинѣ міра выдѣляется со всею своею опредѣленностію и ясностію, при полнѣйшемъ тождествѣ съ ученіемъ апостольскимъ, тѣмъ болѣе, что и сами апостолы ученіе о послѣднихъ временахъ раскрывали въ связи съ ученіемъ о судьбахъ церкви Христовой до кончины міра.

певѣрными ученію Спасителя объ имѣющемъ пройти цѣломъ рядѣ вѣковъ и великихъ событій до кончины міра. Въ предугаданіе всякихъ недоумѣній, апостолы прямо и рѣшительно говорятъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, изъ которыхъ заимствованы вышеприведенныя выраженія, что Господь, по своему долготерпѣнію, медлитъ своимъ пришествіемъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всеѣ пришли къ покаянію (2 Петр. III, 9. 14—15), такъ что прежде чѣмъ наступитъ день Господень, должно придти отступленіе и явится антихристъ (2 Солун. II, 2—3), равно какъ и многіе другіе ругатели, которые будутъ говорить: *гдѣ обѣтованіе пришествія Его?* (2 Петр. III, 3—4). Но эта мысль объ имѣющемъ нескоро наступить времени пришествія Христова всего яснѣе раскрыта апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ. Апостолъ Павелъ, выходя изъ ученія Спасителя объ отверженіи іудеевъ и проповѣди евангелія всемъ народамъ прежде кончины міра, доказываетъ въ 9-й и 10-й главахъ посланія, что отверженіе іудеевъ, какъ непринявшихъ обѣтованія Божія, хотя они и были постоянно подготовляемы къ этому обѣтованію, нимало не противорѣчатъ правдѣ Божіей, а напротивъ вполне согласно съ божественною премудростію. Это паденіе іудеевъ, по разсужденію апостола въ 11-й главѣ, послужило богатствомъ для міра; такъ какъ чрезъ него произошло привитіе дикой маслины, язычниковъ, къ благодатному корню спасенія. Впрочемъ, и ожесточеніе отпадшей части іудеевъ продолжится только до того времени, пока войдетъ полное число язычниковъ, такъ какъ послѣ исполненія числа язычниковъ, Богъ опять привьетъ отпадшую часть іудейскаго народа къ природной ея маслицѣ, и тогда уже наступитъ время воскресенія изъ мертвыхъ и, слѣдовательно, кончины міра. Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ тождествѣ по содержанію ученія Іисуса Христа и апостоловъ относительно дѣйствительности и времени второго пришествія Христова. Но при этомъ тождествѣ само собою предполагается тождество въ содержаніи и относительно

ученія о самыхъ обстоятельствахъ втораго пришествія Христова, кончины міра и страшнаго суда. Правда, всѣ эти обстоятельства гораздо яснѣе и раздѣльнѣе раскрыты въ устахъ апостоловъ, тѣмъ сколько они раскрыты въ устахъ самого Іисуса Христа. Тѣмъ не менѣе самъ Іисусъ Христосъ опредѣленно говорить, что предъ временемъ Его втораго пришествія возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, избранныхъ (Мѡ. XXIV, 24). Самое же второе пришествіе, по изображенію Іисуса Христа, будетъ внезапное, подобно тому, какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада (Мѡ. XXIV, 27). Но въ то самое время, какъ на небѣ явится знаменіе сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою (Мѡ. XXIV, 30), вдругъ (εὐθέως) солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, звѣзды спадутъ съ неба и силы небесныя поколеблются (Мѡ. XXIV, 29), измѣняясь и обновляясь въ своемъ бытіи (παλιγγενεσία—Мѡ. XIX, 28). Въ это же самое время, по трубѣ архангела, воскреснутъ всѣ мертвые, чтобы жить подобно ангеламъ, не жениась и не выходя въ замужество, т. е. жить, какъ личныя существа, вмѣстѣ съ тѣлами, хотя и утратившими грубыя, чувственныя склонности и страсти (Мѡ. XXII, 29—32; XXIV, 31), по жить, впрочемъ, не въ одинаковой участи. Пришедшій во славу и со всѣми святыми ангелами своими сынъ человѣческій раздѣлитъ всѣхъ собравшихся въ Нему отъ четырехъ вѣтровъ и отъ края до края неба, и, поставивъ однихъ одесную себя, а другихъ ошуюю, произнесетъ свой праведный судъ, сообразный съ дѣлами каждаго. Тогда-то праведники, какъ благословенные наследники царства небеснаго, пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники, какъ сыны проклятія, осудятся на вѣчныя мученія и пойдутъ въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Мѡ. XXV, 31—46). Съ своей стороны и апостолы совершенно согласно съ ученіемъ Іисуса Христа говорятъ, что предъ временемъ пришествія Христова люди будутъ развращены умомъ и преиспол-

нени различными похотями (2 Тим. III, 1—9) и что эта тайна беззаконія будетъ совершаться до тѣхъ поръ, пока, какъ исчадіе ся, не явится человѣкъ беззаконія и сынъ погибели, который, будучи окружонъ, по дѣйствию сатаны, всякою силою, знаменіями и чудесами и прельщая неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ, будетъ превозносить себя выше всего и сядетъ во храмъ Божіемъ, выдавая себя за Бога (2 Солун. II, 1—10). Но этого беззаконника Господъ Іисусъ убьетъ духомъ устъ Своихъ и истребитъ явленіемъ пришествія Своего съ неба (2 Солун. II, 8). Во время этого пришествія, вдругъ, во мгновеніе ока, при гласѣ архангела и при послѣдней трубѣ Божіей, мертвые, какъ праведники, такъ и грѣшники, воскреснутъ, а затѣмъ и оставшіеся въ живыхъ измѣнятся, будучи восхищены вмѣстѣ съ воскресшими изъ мертвыхъ на облакахъ на воздухъ въ срѣтеніе Господу, такъ какъ тѣ и другіе, т. е. и воскресіе изъ мертвыхъ и измѣнившіеся, утратятъ перстную грубость ихъ плоти и крови и облечутся въ тѣла, хотя и тѣ же самыя, съ которыми они были на землѣ, но тѣла нетлѣнные и безсмертныя, какъ тѣла прославленныя, сравнительно тонкія и духовныя (1 Корин. XV, 42—54; Дѣян. XXIV, 15; 1 Солун. IV, 16—17). Грядущій и срѣтаемый Господъ Іисусъ Христосъ, какъ нареченный отъ Бога праведный Судія не только живыхъ и мертвыхъ, но даже и самыхъ согрѣшившихъ нѣкогда духовъ (Дѣян. X, 42; XVII, 31; 2 Петр. II, 4), всѣхъ соберетъ предъ своимъ стралнымъ судилищемъ, *во свѣтъ приведетъ тайныя тмы и объявитъ сокрытыя сердечныя* и послѣ того каждому воздастъ соотвѣтственно тому, что онъ сдѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое (2 Корин. V, 10; 1 Корин. IV, 5). Вмѣстѣ съ праведнымъ и всеобщимъ судомъ Божіимъ, при второмъ пришествіи Христовомъ, наступитъ кончина и для всего видимаго міра, такъ какъ тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ (2 Петр. III, 10), но не уничтожатся; потому что по обѣтованію Господа мы ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ

будеть обитать правда (2 Петр. III, 13; Апок. XXI, 1) и которые будутъ освобождены отъ рабства тлѣннѣ въ свободу славы чадъ Божіихъ (Римл. VIII, 19—21). Тогда-то наступитъ конецъ благодатному царству Христову и настанетъ время царства славы, когда Господь Іисусъ Христосъ предастъ свое царство Богу и Отцу и будетъ вѣчно вмѣстѣ съ Нимъ царствовать, покоривши подъ ноги Свои всѣхъ враговъ Своихъ и упразднивъ всякое начальство, всякую власть и силу и даже самую смерть, такъ что тогда будетъ Богъ всяческая во всемъ (1 Корин. XV, 24—27). А потому праведники, наслѣдуя животъ вѣчный и наслѣдіе нетлѣнное и неувядаемое (1 Петр. I, 3—4; Евр. X, 34; 1 Іоан. II, 25), не будутъ уже ходить вѣрою, но видѣніемъ, не будутъ уже знать Господа отчасти и видѣть Его яко зерналомъ въ гаданіи, но видѣть лицомъ къ лицу и знать, какъ Онъ есть, будучи подобными Ему и наслаждаясь такими, уготованными отъ Бога блаженствами, *ихъ же око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша*. Тогда для нихъ не будетъ ни плача, ни вопля, ни болѣзней, *не възлутѣ, ниже вжаждутъ они и не имать пасти на нихъ солнце, ниже всякій зной* (2 Корин. V, 7; 1 Корин. II, 9; XIII, 10. 12; 1 Іоан. III 2—3; Апок. VII, 16; XXI, 4). Между тѣмъ, грѣшники пріимутъ за свои дѣла, въ воздаяніе отъ Бога, *муку, погибель вѣчную, и будутъ мучимы день и ночь, такъ что дымъ мученія ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ* (2 Солун. I, 9; Апок. XIV, 11; XX, 10).

Въ результатъ всего ¹⁾ изслѣдованія, относительно христіанскаго догматическаго ученія въ устахъ самого Іисуса Христа и въ устахъ апостоловъ, съ несомнѣнностію можно подтвердить то положеніе, которое мы высказали въ началѣ,

¹⁾ «Христ. Чтеніе» 1875 года, часть I-я, стр. 135—156 (февраль) и 232—246 (мартъ).

въ противовѣсъ воззрѣніямъ Баура и его критико-экзегетической новотюбингенской школы. На основаніи общихъ и христіанскихъ понятій объ откровеніи и самомъ христіанствѣ мы пришли тогда, съ одной стороны, къ тому положенію, что христіанскіе догматы, несмотря на то, высказаны ли они самими Іисусомъ Христомъ или апостолами, необходимо должны быть совершенно тождественны по своему содержанію, а съ другой—къ тому, что при всемъ тождествѣ въ содержаніи, они, какъ высказанные различными лицами, необходимо также должны быть различны по своей формѣ, соотвѣтственно различію индивидуальных особенностей въ направленіи душевныхъ силъ каждаго лица, соотвѣтственно различію языка, требованіямъ времени и мѣста и условіямъ окружающихъ обстоятельствъ. Теперь же, послѣ такъ сказать осязательнаго и нагляднаго убѣжденія въ истинности и справедливости этихъ положеній, при изложеніи и сопоставленіи Христова и апостольскаго догматическаго ученія во всѣхъ его пунктахъ, нельзя не видѣть всей силы и ясности истины, такъ очевидно и убѣдительно говорящей самой за себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей тенденціозности отрицательной критики Баура и его школы, если эта критика считаетъ апостольское ученіе совершенно чуждымъ ученію самого Іисуса Христа, какъ произвольное и искажающее сущность дѣла паслоеніе и осложненіе зерна ученія Христова. Правда, въ изложеніи каждаго отдѣльнаго догмата христіанскаго ученія нельзя было не видѣть всей ясности, полноты, раздѣльности и опредѣленности языка апостольскаго, въ сравненіи съ простыми, образными и приточными рѣчами Іисуса Христа. Но при этомъ нельзя было не убѣдиться также, сколь богато и глубоко содержаніе, заключающееся въ притчахъ и образахъ, употребляемыхъ Іисусомъ Христомъ, и какъ прекрасно передается въ нихъ тоже самое христіанское откровеніе, которое выражается въ устахъ апостоловъ въ болѣе отвлеченной и положительной формѣ. Для насъ существенно важно должно быть то, что при всемъ частномъ анализѣ и сопоставленіи Христова и апостольскаго

догматическаго ученія, не оказалось ни одного, даже само-
малѣйшаго пункта догматическаго ученія, въ которомъ бы
апостолы были искажителями истиннаго духа и смысла уче-
нія самого Иисуса Христа, какъ произвольно утверждаютъ
Бауръ и его школа; что напротивъ того ученіе апостоль-
ское представляетъ собою совершенно тоже самое по своему
содержанію ученіе, какое проповѣдуемо было и самимъ Иису-
сомъ Христомъ. Такимъ образомъ, никакія козни враговъ
церкви Христовой не могутъ побѣдить непреложной, бого-
откровенной евангельской истины. Истина Христова ученія,
именно по тому самому, что она есть истина, всего красно-
рѣчивѣе говоритъ сама за себя и всего сильнѣе сама собою
побѣждаетъ всѣ ухищренія враговъ своихъ, старающихся за-
подозрѣть ее. Было время, когда, такъ сказать, корифеи въ
области богословской науки и критики евангельской истины,
Ренанъ и Штраусъ, во имя своего собственнаго научно-бо-
гословскаго авторитета, всю или, по крайней мѣрѣ, большую
часть евангельской исторіи старались представить мнѣомъ,
равно какъ и самого Богочеловѣка и Искупителя нашего Гос-
пода Иисуса Христа дерзали сопоставлять съ такими лично-
стями языческаго міра, которыя, хотя и выдавались изъ ряда
обыкновенныхъ по своему личному достоинству, тѣмъ не ме-
нѣе всегда печужды были обмана и хитраго обольщенія суе-
вѣрной и непросвѣщенной народнои толпы. Но всѣ злоухищ-
ренія этихъ критиковъ, предъ лицомъ непреложной и боже-
ственной евангельской истины, сами собою изобличили всю
свою ничтожность и мнимо-историческую достовѣрность. Въ
лицѣ Баура настало иное время, когда на поприще борьбы
съ евангельскою истиною выступилъ борецъ съ запасомъ
силъ болѣе значительнымъ и съ оружіемъ болѣе мощнымъ и
надежнымъ, сравнительно съ силами и оружіемъ предшествую-
щихъ борцовъ. Онъ призналъ несомнѣнною истинность еван-
гельскихъ повѣствованій и на основаніи этой истинности ду-
малъ побѣдить саму божественную истину. Но и здѣсь, какъ
мы видѣли, истина всегда остается истиною и неправда по-

бѣждается своею собственною ложью. Таковъ неизмѣнный законъ вѣчной истины, въ которомъ всякое истинно вѣрующее сердце христіанина находитъ для себя блаженное успокоеніе и небесную отраду и о который разбиваются всѣ козни враговъ церкви Христовой, думающихъ своими слабыми человѣческими силами побѣдить никогда непобѣдимую, вѣчно-сущую божественную премудрость.

А. Лебедевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки